

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

16+

БУДЕМ ЖИТЬ ПО-НОВОМУ!
ЗАЩИТНИК. Книга 2

Александр Кириллов

Будем жить по-новому!
Защитник. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кириллов А. Л.

Будем жить по-новому! Защитник. Книга 2 / А. Л. Кириллов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99576-5

Сознание нашего современника, военного пенсионера Александра Королева, попадает через временной портал из июля 2020 в июль 1941 года в тело 27-летнего командира стрелковой роты старшего лейтенанта Александра Кольцова, отступающего с бойцами своей роты под ударами немецко-фашистских захватчиков к Москве. Герой свыкся со своей новой жизнью и вместе с Красной армией защищает свою страну, участвуя в разгроме фашистских орд под Москвой и Сталинградом. Страна стоит на переломном рубеже – Рубиконе всей ВОВ.

ISBN 978-5-532-99576-5

© Кириллов А. Л., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Удачный поход	5
Глава 2. Диверсанты	12
Глава 3. Высокая политика	28
Глава 4. Мой первый Новый год. Вербовка агента	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Кириллов

Будем жить по-новому! Защитник. Книга 2

Глава 1. Удачный поход

Рота Ледкова уходила к Истринскому водохранилищу, в ее задачи входило недопущение взрыва плотины, а вторая рота повзводно уходила в Клин и Солнечногорск, вносить панику в тылах фрицев. С ротами ушли по четыре сапера, два радиста с радиостанциями, чуть лучше остальных знающих немецкий язык. В клинской группе переводчиком шёл Алексей Самсонов.

К 6 декабря советские войска перешли в крупномасштабное наступление по всему Западному фронту. Наиболее трудным был переход в контрнаступление на участке 20-й армии генерал-майора Власова и нашей 16-й армии, где немцы крайне упорно сопротивлялись, не желая оставлять Красную Поляну и Крюково, откуда была видна Москва, и пропускать наши войска к Солнечногорску и Клину.

К шести часам следующего вечера наш тентованный «ГАЗ», с работающей печкой-буржуйкой, припарковался у заднего фасада здания, в котором располагался штаб 16-й армии, и дежурный расчет приступил к работе. В первый раз на задание выехало все руководство: Чайкин, я, а Андрей Размазнов сам сидел «на прослушке» радиочастот вместе с другими тремя операторами. Сидя в наушниках уже больше 40 минут, парни крутили верньеры приемников, ища какие-либо подозрительные зацепки, но пока, кроме треска, каких-либо разговоров или музыки далеких радиостанций, ничего интересного в эфире не попадалось. На улице нас охраняло отделение разведчиков, рассредоточенное в тени зданий. Совещание в штабе шло около 10 минут, как вдруг Размазнов поднял руку, подзывая нас к себе. Мы по очереди с Чайкиным одевали наушники и вполне четко, только наблюдался низкий уровень громкости, послушали о том, о чем в данный момент говорил Рокоссовский офицерам штаба.

– Молодец, Андрей, первый выход на задание и так удачно, теперь нас будут ценить и за мероприятия РЭБ.

Я по накидной лесенке соскочил из кузова на землю и быстро направился в здание штаба. За мной из темноты показались и двинулись вслед четыре разведчика из оцепления машины.

– Парни, заходите за мной и постарайтесь проконтролировать, кто зашел или кто с чем в руках или сумке вышел из соседних комнат. Если будет открыта дверь, то заходите туда, как бы погреться, и не спускайте глаз со стен, примыкающих к помещению штаба.

Пройдя к помещению, в котором проходило совещание, я попросил адъютанта, точнее, дежурного офицера, попросить выйти начальника разведки и самого командарма Рокоссовского по архисрочному делу, находящемуся на контроле Москвы. А кто сказал, что наличие прослушивающей аппаратуры в штабе армии не касается Москвы?

– Кольцов, ты уверен, что нужно прервать совещание?

– Так, точно, крайне важная информация!

Через несколько минут вышел раздраженный Рокоссовский с Заикиным и дежурным офицером, который, улыбаясь, показал мне кулак.

Я козырнул и начал доклад: «Товарищи командиры, попрошу одеться и проследовать со мной, все пояснения будут на месте».

Не заставляя себя ждать, командарм накинул ватник, предоставленный разведчиком, и вышел со мной, следом пошел Заикин. Поднявшись по приставной лестнице в кузов, Рокоссовский прищурено огляделся.

«Товарищ командарм, оденьте и послушайте», – сказал Размазнов, передавая наушники.

Рокоссовский надел наушники и замер – в наушниках отлично звучал голос начальника штаба Малинина, объясняющего планируемую диспозицию наступления на Крюково и далее по нанесению ударов на город Солнечногорск.

– Это что такое?

– Это, товарищ командарм, ваши планы слушает внедренный в штаб армии шпион с помощью микрофона и слабенького усилителя, и передает в эфир для фашистов.

Послушал это дело и Заикин.

– Что делаем?

Я продолжил: «Товарищ командарм, предлагаю следующее: первое – обязательно пригласить начальника особого отдела, второе – вам нужно продолжать совещание, как ни в чём, ни бывало, при этом предложить совершенно иное, чем планируете, но это должно выглядеть красиво и, главное, реалистично. Это нужно для того, чтобы не спугнуть шпиона, он итак мог насторожиться. Далее особист со своими или моими ребятами либо возьмет шпиона сразу, либо начнет свою игру по дезинформации врага».

– Хорошо, так и сделаем, а мы сейчас возвращаемся, и я провожу заседание дальше.

«По вновь утвержденному плану!» – добавил я.

«Да, по вновь утвержденному плану!» – улыбнулся Рокоссовский.

Я продолжил: «Теперь технические моменты, это устройство микрофон с радиопередатчиком. Как мы думаем с коллегами, – показав на коллектив, продолжил я, – располагается за стеной от зала заседаний, либо в вентиляции, либо возле плохо заделанных отверстий, а проще говоря, дырок в стенах, где проходят отопительные трубы и так далее.

– А если на улице?

– На улице вряд ли, товарищ Заикин, не слышно характерных уличных звуков. Теперь по энергопитанию, он либо подключен в электросеть, если закамуфлирован под что-то или спрятан во что-то, например, в настольную лампу или приемник, тогда прослушка стоит вполне легально. Может быть скрытно с врезкой в силовые провода здания. Но, большая вероятность того, что он работает от батареек. А они сейчас слабосильные и имеют большие размеры, то есть часа два–три поработает и «сдохнет», а далее его должен забрать враг для замены батареек.

Минут через десять подошел начальник особого отдела капитан государственной безопасности Коньков с двумя подчиненными.

«Здравствуйте, Александр Павлович, – приветствовал он меня, – здравия желаю товарищи красноармейцы».

«Здравствуйте, Артем Евгеньевич», – ответил я.

В общем, мы быстро обсудили ситуацию и решили предложить руководству особого отдела фронта, с которым однозначно должен переговорить Коньков, брать шпиона и «колоть» его, потому что, раз он работает в штабе, то долго не удастся под его носом имитировать неправильные совещания. Одновременно, предлагалось продолжить дезинформацию противника. Был еще один вопрос, требующий ответа, а именно, работает шпион один или с кем-то в команде.

Организацию поиска Коньков взял на себя. После совещания Малинин разорался на дежурного офицера, что даже в помещении штаба развели полный бардак и необходимо к завтрашнему утру навести порядок, в результате чего два десятка бойцов хозподразделения, включая нескольких рэбовцев нашего батальона вечером, после совещания, занялись влажной уборкой помещений на этаже, полностью очистив этаж от всех сотрудников, чтобы не мешались. Нужные три помещения мыли только наши люди. Мы искали закладку, обследуя стены соседних кабинетов, ниши, пространство за столами, под батареями, но пока все было тщетно. Микрофон мы нашли с помощью бойца-оператора поискового приемника по громкости наших разговоров. Приближаясь к стоящей в помещении штаба советской радиоле, включенной в электросеть, голос, слышимый в наушниках, становился громче, а выключив радиолу

из сети, отключилась и закладка. Воткнули вилку радиолы в розетку – закладка снова заработала. Включив радиолу, немного послушали Москву, передающую какую-то унылую музыку современного композитора. Я же с Чайкиным пошли докладывать о результатах.

В помещении находились Рокоссовский, Калинин, Заикин и Коньков.

– Закладка найдена, но дело усугубляется тем, что она работает не от аккумуляторов, то есть агенту не требуется подзаряжать ее.

«Давайте просто перенесем радиолу в какой-нибудь дальний кабинет или вон, где дежурные сидят, и посмотрим, кто вернет её обратно», – подал голос Чайкин.

Что и было сделано. Радиолу вынес один из уборщиков и оставил ее в помещении, где располагалась «дежурка».

Всю ночь, по указанию Калинина, в этом же помещении коротали время два бойца из роты Лаврикова, но ночью никто никуда не прорывался. Здание штаба опустело, лишь дежурная смена не дремала.

С приходом утра штаб наполнялся гомоном штабных офицеров и рядовых делопроизводителей. Все знали, что готовится наступление, а значит, была горячая пора для всех служб. Дежурный офицер сдавал свою смену.

«Петрович, а что это ты забрал радиолу к себе из помещения штаба? Ночью, небось, Берлин слушал, кафе-шантан какой-нибудь, эх, с музыкой я бы девочек из финчасти или кадров пригласил бы помочь подежурить», – посмеялся сменяющий Петровича капитан.

– Альберт, не травмируйте мне душу, вчера тут уборочный «кипиш» был, начштаба решил порядок навести, вот тыловики до полуночи драили кабинеты, а ты со своими девочками. Слушай себе на здоровье, хоть, всю ночь теперь.

– Нет уж, Петрович, пусть она стоит там, где стояла и не отвлекает нас, дежурных офицеров, от исполнения своего долга.

Капитан Альберт Яслович взял радиолу и аккуратно понес ее назад в помещение штаба.

Бойцы разведчики спокойно вышли из помещения дежурного и направились в домик, относящийся к тыловой службе, где расположились, сидя на лавках и стульях на ночлег мы.

После доклада бойцов, я с ними обоими направился к Конькову.

– Какие новости

– Есть наш клиент! Это заступивший на дежурство офицер.

– Капитан Альберт Яслович, на хорошем счету, подтянутый, аккуратный, исполнительный, грамотный – не ожидал.

– Ну, не пришлют же немцы раздолбая, шпион обязан быть на хорошем счету, а значит, он умный и грамотный агент. Вероятнее всего, наш шпион, точно не знает о направлениях деятельности нашего нового подразделения, чем мы занимаемся и чем оснащены. Возможно, считает нас слишком примитивными для его игры, поляки они всегда были с большим гонором и, естественно, намного умнее русских.

– Думаешь, знает о вас?

– Однозначно, связь со всеми частями входит в его служебные обязанности, да он, наверняка, легко общается и с бухгалтерией, и с кадрами, в общем, с женским полом, чтобы тонкости разные узнавать. А давно он у вас при штабе?

– Месяц точно будет, появился с последним пополнением.

– В общем, Артем Евгеньевич, вы лучше меня знаете, как его круг общения проверять, в его комнате будете обыск проводить?

– Будем, но чуть позже. Спасибо, Александр, дальше мои уже сами справятся.

– Смотри, Артем Евгеньевич, если надо будет, то могу силовую поддержку обеспечить.

Как мне стало известным в будущем, взяли его через два дня, а нас срочно выдернули в штаб фронта для проведения аналогичного мероприятия по обеспечению радиоэлектронной

безопасности (РЭБ). Взял в дополнение к радиоспецам все отделение телефонистов и Киричёва Дмитрия с бойцами подразделения засекреченной связи «ЗАС» – у них своя задача будет.

Весь день 7 декабря в поселке Красная Поляна шли кровопролитные уличные бои. Противник начал отход, и утром следующего дня части 20-й армии овладели городком Красная Поляна. Среди трофеев оказалась два тяжелых орудия калибром свыше 200 мм, из которых немцы рассчитывали обстреливать Кремль.

Этим же днем к обеду мы, усталые после бессонной ночи, прибыли в штаб Западного фронта. Нас встретил командир разведки фронта и повел к Жукову.

Георгий Константинович был на подъеме, фронт активно развивает наступление, сегодня была взята Красная Поляна, самое близкое к московскому Кремлю место с непосредственной угрозой его обстрела, и захвачены дальнобойные орудия. Да тут еще и выявили в штабе одного из самых перспективных командармов вражеского шпиона.

«Здравие желаем, товарищ комфронта! – приветствовал я и мои бойцы Жукова.

– Здравствуй, Кольцов, не ожидал я такого применения средств радиотехнической разведки, непривычны для нас все эти тайные методы, толи дело пленных «языков» брать.

– Так точно, «языков» тоже берем, одно другое дополняет.

– В общем, действуй по своей программе, о результатах доложишь лично мне.

Совещание было назначено на 17.00, то есть у нас еще было полтора часа времени. Выдернув местного начальника связи, состыковал его с командиром телефонного взвода нашего батальона сержантом Герасимом Шидловым. Связисты изучали планы проложенных кабелей и проводов по составленным временным связным схемам, по которым все провода от штаба сходились на районный узел связи. После проверки узла бойцы пошли по связным линиям, проложенным под землей, проверять целостность проводов, осматривая связные колодцы, места с сброшенными кабелями воздушным открытым способом, изучая целостность бронешлангов с кабелями ЗАС. После визуального осмотра планировалось по заранее отключенным от оборудования связным парам пропустить мощный электромагнитный импульс от нашего генератора с целью выжечь входные цепи любого подключенного прибора съема информации. Бойцы взвода Размазнова слушали эфир, а свободные радисты и телефонисты осматривали помещения штаба.

Конечно, было б здорово выловить в каждом штабе по врагу, так глядишь всех бы шпионов и переловили, но, увы, эфир был чист. Закладных радиоустройств в штабе не обнаружили, как и проводных закладок или врезок в электро- и связные линии.

Совещание шло своим чередом, когда в штабное здание прибежал Герасим.

– Командир, есть тема, надо посмотреть.

Позвав Лаврикова и четверых бойцов его роты, я двинулся за Шидловым по ночным улицам пригорода Москвы. Герасим сказал, что Дима Киричёв нашел в колодце у одной из телефонных пар место с надрезанной изоляцией, и подключенный к связным проводам непонятный провод, уходящий под землю к дому напротив. Забравшись в колодец, в тесноте при свете фонарика я увидел, где мне объяснили, подключенный провод, аккуратно поднимающийся по кирпичной кладке колодца практически к его верху и уходящий под землей в сторону дома.

– Очень интересно, похоже, попалась крупная рыба, окружаем незаметно дом и ждем команды сверху.

Тихо окружив дом, бойцы залегли возле заборов в соседних дворах, контролируя выход из него и окна. Я же отправился к начальнику разведки фронта с докладом. После чего повторилась процедура, знакомая по действиям руководства в штабе армии. Прибыв к месту закладки, где рассредоточились наши связисты и охрана, начальник особого отдела фронта с подчиненными особистами, отдал необходимые указания, и отделение комендантской роты окружило по периметру дом.

«Товарищ комиссар государственной безопасности 3 ранга, – обратился я к главному особисту, – давайте мои ребята попробуют тихо взять тех, кто внутри.

– Не стоит, капитан, здесь мои подчиненные сработают.

Шестеро бойцов НКВД проникли в дом и через несколько минут там раздались выстрелы. Из окна выскочил один из жильцов и быстро побежал к забору. Ему преградил путь один из комендачей, выскочивший из-за какого-то стоящего во дворе невысокого сооружения, примерно полутора метров высотой, о котором я подумал, что это колодец. Раздался pistolетный выстрел и красноармеец согнулся от полученной пули, а жилец прыгнул в колодец и исчез. Из окна выскочил один из особистов и бросился вдогонку.

«За ним, мать вашу, – заорал начальник особого отдела, – поймайте сволочь!»

Лавриков, находящийся во дворе ближе всех к колодцу, среагировал первым и кинулся в него, за ним вначале столпились у стенок колодца, а потом быстро попрыгали особист и двое солдат. Я же метнулся в дом, меня интересовала установленная аппаратура съема и передачи информации. Спустившись для начала в подполье и сориентировавшись относительно дороги с колодцем, подсвечивая фонарем, я искал входящий из колодца провод.

«Вот он, миленький, – нащупал я место ввода провода, который был запрятан под гипсовой штукатуркой, – сейчас мы найдем, куда ты идешь».

Линия штукатурки шла по стене и уходила за другую стену.

«Вот тебе и раз», – пробормотал себе под нос я, и стал искать вход за эту фальшстену. Простукивая и прощупывая швы этой, якобы, боковой деревянной стены, вдоль которой стояли деревянные полки с соленьями, я нащупал деревянную дверь. Легко отодвинув небольшой пустой стеллаж, и открыв шпингалет, замаскированный под деревянный выступ – вот же умельцы маскировки, сразу и не поймешь, я вошел в отдельную комнату. Здесь был настоящий подпольный узел связи с несколькими разными радиоприборами фирмы «Телефункен».

В доме все уже затихло, один из шестерых оставшихся целым сотрудников особого отдела и боец комендантской роты выносили убитых и одного раненого.

Особист пытался организовывать оцепление ближайших улиц.

«Что случилось, почему были выстрелы?» – отчитывал комиссар подчиненного сотрудника особого отдела.

– Товарищ комиссар государственной безопасности, случайность вышла, мы продвигались по коридору к комнате, где были слышны голоса двух разговаривающих, а в это время из темной спальни сзади вышел еще один – он двоих наших в упор наповал уложил, а нас расстрелял в спину, тогда Рочева ранило. Ну, я его ответным выстрелом и положил. Потом воровались в комнату, а там нас встретили pistolетные выстрелы и Сидорова убили. Я одного ранил, а второй в окно сиганул.

«Что скажешь», – зло обратился комиссар ко мне.

– Случайность в том, что один находился в комнате, а вот то, что бойцы все внимание сосредоточили на комнате с людьми, а другие помещения не контролировали – это уже ошибка группы. Да и, по-хорошему, надо было соседей опросить о том, кто в этом доме обитает, и изолировать их до конца операции.

«Опросим сейчас же, – сказал комиссар, – Игнатов, организуй опрос соседей».

Саня Лавриков, увидев выскочившего из окна врага и затем исчезнувшего в колодце, быстро ринулся к сооружению. Посветив фонарем вниз, увидел, что колодец сухой глубиной около двух метров с земляным полом, и, прыгнув в него, наткнулся на запертую с той стороны дверь. Расстреляв из автомата кусок деревянной двери вокруг щеколды, выбил дверь плечом, и двинулся в проем по подземному ходу. За ним спрыгнул и особист, который, оттеснив Лаврикова, пошел первым. Пройдя по подземному ходу метра три, он вылез через открытый лаз, находящийся за сараем возле соседского забора, куда вели следы на снегу. Пока особист перелезал через забор, Александр, имеющий звание мастера спорта по акробатике, легко

подтянулся и перемахнул через двухметровый забор, а затем, двинулся по следам, уходящим к смежному двору на соседнюю улицу. Двинувшись по следам, он увидел, как возле соседнего забора к вражеским следам присоединились следы еще одного человека. Пока он осторожно приближался к забору его снова обогнал безопасник, и, лихо перемахнув через более низкий забор, бросился через двор по следам к соседней улице. Александр последовал за ним. Выскочив на соседнюю улицу, вдалеке увидели спину убегающего человека. Припустив за ним, оба услышали одиночный пистолетный выстрел. Пробежав на одном дыхании эти сто метров до перекрестка, увидели, как Микулов скручивает раненого фашиста.

«Генка, ну, молодец!» – восстанавливая дыхание, похлопал его по плечу Лавриков.

«Спасибо, молодец, – безопасник пожал Геннадию руку, – здорово нам помог».

Притащив агента германской разведки к дому, показали его комиссару госбезопасности.

«Как поймали?» – спросил комиссар.

«Лейтенант Микулов, командир второго разведвзвода, – представился Геннадий, продолжив, – я находился в оцеплении дома, заняв наблюдательный пост в соседнем дворе. Когда услышал выстрелы и через некоторое время увидел, как через забор перескочил вражеский шпион. Я двинулся за ним, держась на расстоянии, решив взять его «без шума и пыли». Однако, когда я почувствовал, что враг уйдет, оторвавшись от меня, пришлось выстрелить метров с двадцати ему в ноги – попал с первого выстрела. Потом подошли товарищи, и мы втроем перевязали и принесли раненого сюда.

«Несите его на допрос в дом, – приказал комиссар и, обратившись ко мне, спросил, – как думаешь, капитан, они только разговоры слушали по телефону?»

– Думаю, товарищ комиссар госбезопасности, что вполне могли с помощью генератора пропускать ВЧ-колебания по телефонной линии, облучая ими телефонный аппарат, точнее сказать, микрофон в трубке, и по обратному отклику, модулированному голосами людей, слушать все разговоры в штабе.

– Елки зеленые, это ж сколько они секретных сведений утянули за все время, как ваш батальон вовремя заработал.

– Товарищ комиссар, по поводу сроков, когда они заработали, можно попытаться участкового опросить, он должен знать, когда здесь новые жильцы появились.

– Правильно, сделаем и это. Что думаешь дальше по работе своей?

– Думаю надо продолжать неожиданные, но согласованные с вами проверки во всех частях фронта, можно даже фиктивный график придумать, вывесить его у вас официально, два-три раза по нему провести мероприятия, а в реале, делать неожиданные проверки со смещением от графика.

– Что-то новое еще придумали?

– Никак нет, все те же мероприятия, что делали у вас, по полной программе, так сказать.

– Завтра мне свои предложения и график, заодно пиши руководство по проведению таких мероприятий.

– Есть, сделаю и представлю.

Комиссар пошел допрашивать пленного, а я отбыл на доклад лично к товарищу Жукову, как он и приказал. Его ординарец сразу пропустил меня к нему.

Жуков сидел в кабинете и о чем-то размышлял, изучая армейские сводки.

– Заходи, Кольцов, чем порадуешь?

– Выявлен фашистский узел связи с аппаратурой, которые занимались подслушиванием ваших переговоров в помещении штаба по телефонным линиям. Также захвачен один вражеский агент, которого допрашивает комиссар госбезопасности. Георгий Константинович, прошу передать захваченную аппаратуру в распоряжение батальона для противодействия немцам, а так же наградить отличившихся бойцов. Первые два выезда и сразу такие находки важнейшие.

– Значит, слушали нас, грамотные, гады, и технически нас превосходят.

– Так точно, технически нас превосходят и немцы, и американцы, но и у нас в стране много грамотных людей, особенно в сфере радиопротиводействия, я имею в виду коротковолновиков-любителей. Пришла пора создавать специализированные дивизионы для этого невидимого фронта борьбы, с привлечением наших ученых для работы по всем возможным каналам утечки информации. Я пишу методические рекомендации для своих, но они чисто практической направленности: смотреть это, делать так, использовать такую-то технику, то есть основываются на моем опыте, имеющейся аппаратуре и штатном составе батальона, а это дело надо ставить на научный уровень в масштабе всей армии и НКВД.

– Пиши на всех своих бойцов представления, действительно, надо поощрить. Ну, а теперь, что думает «Оракул» о перспективе.

– И вы знаете об «Оракуле».

«Такой необычный боец в моих частях служит, должен же я, как командир, об это знать, – рассмеялся Жуков, – моя разведка работает тоже, а если серьезно, то Рокоссовский о тебе, Александр, рассказал».

«Прошу к карте, – попросил я и, когда мы подошли, продолжил, – вначале расскажу о выполняемых задачах батальона. Два дня назад по согласованию с Рокоссовским ушли три боевые группы: рота к плотинам Истринского водохранилища и по взводу к Солнечногорску и Клину. Боевые задачи групп – диверсии на путях и защита от взрыва водоспусков, чтобы теперь вода нас не отрезала от отступающих фрицев».

– Правильно!

– Так вот, сейчас Западный фронт наступает по всей ширине, немцы прошляпили, а скорее всего, недооценили наши резервы, а сами выдохлись, оборонительных рубежей особо не строят – рвутся ж к Москве, поэтому наш ответный удар их опрокинет, и мы за пару недель отбросим их на 100-200 км от Москвы. А вот дальше уже выдохнемся мы, немцы успеют зацепиться и использовать против нас наши же укрепления. Поэтому, где-то под Ржевом, Волоколамском уже мы станем топтаться на месте и сами вполне можем попасть в котел или окружении. Предполагаю, что Власов или Рокоссовский, однозначно, возглавят ударную армию и, не ровен час, вполне могут сами попасть в окружение, чего хотелось бы избежать, вовремя остановившись. Но до Ржева мы вполне сможем отогнать фашистов.

– Спасибо за мнение, учтем и его. По поводу техники я отдам приказ, чтобы все отошло к вам с немецким шифром тоже, если меня не убедят в целесообразности оставить ее в распоряжение связистов фронта.

Я попрощался и вышел из кабинета. Встретившись с комиссаром, уточнил у него о том, что смогли узнать у пленного по поводу съема информации, на что получил ответ, что в настоящее время мы выявили единственный источник съема. В общем-то, я сидел у Размазнова, наблюдая, как бойцы сканирующими радиоприемниками отслеживают за эфир, попутно набросав представление на отличившихся ребят в обеих операциях, и подал его дежурному офицеру. Затем отправился на узел связи посмотреть, как продолжают проверку всех остальных линий.

Сами линии проверяли Дима Киричев и Гера Шидлов с бойцами. Провозившись с проверкой и мощным электромагнитным прожигом всех связных линий еще почти шесть часов, усталые мы отправились к себе в батальон, до которого ехать надо было больше двух часов. Пока ехали, я вспоминал и анализировал свои разговоры с командованием, поняв, что никто обо мне не вспомнит при планировании операций. Ну, что же, пусть проверяют на собственном опыте и повторяют то, что они вершили более 70 лет назад, а наш батальон будет вести свою войну.

Глава 2. Диверсанты

Взвод Алексея Малеева выдвинулся к городку Солнечногорск, первому узловому центру обороны противника. Город бурлил военной жизнью, сюда подтягивались немецкие резервы пехоты и техники, формировались ударные группы, чтобы подойти в боевом состоянии к линии фронта. Малеев с командирами отделений засели за рекогносцировку своих действий применительно к конкретной обстановке в городе. Было определено, что имеющиеся во взводе охотники – снайпера в количестве 5 человек, включая Малеева, и имеющие лыжи для быстрого передвижения по снежному насту в случае необходимости, вместе с диверсантами располагаются вдоль дороги Клин-Солнечногорск-линия фронта и отстреливают командиров проходящих частей, которых увидят, стреляют в бензовозы, шоферов, оружейные расчеты и так далее. Четыре сапера во главе с Доновым, приданных взводу, должны были заниматься с отделением прикрытия из разведчиков диверсиями на железной дороге, с высочайшим указанием комбата все действия снимать на фотоаппарат: вначале целое, следующий кадр – взорванное. И началась партизанская война, напоминающая действия финских лыжников в советско-финскую военную кампанию: выйдет такой финский егерь на лыжах на удобную дистанцию и стреляет из лесу по идущей колонне красноармейцев, а затем сразу отходит, пешком по снегу не догонишь. Немцы взвыли за эти два дня, пуская боковое охранение, которое отстреливалось снайперами с достаточного расстояния, а потом в тыл противодиверсионным группам налетали наши автоматчики, устраивая лесные дуэли.

Дима с парнями успешно заминировали в четырех местах на расстоянии примерно в пять километров железнодорожные пути за 15 километров от города, то есть когда паровозы еще идут на приличной скорости. Немцы, уже наученные опытом диверсий в Белоруссии, пускали перед паровозом либо дрезину, либо пустую платформу. Это ухищрение действовало на обычные заряды, работающие по принципу обычной мины – придавили, она взорвалась. Саперы минировали пути тротилowymi шашками с использованием взрывных машинок, пропуская дрезину и замыкая контакты под паровозом или вагонами, поэтому два подорванных заряда пустили под откос пару локомотивов, которые, падая, потянули за собой вагоны, устроив настоящее столпотворение, закупорив железнодорожные пути на несколько часов.

Вдоль путей пошли отряды немцев численностью в отделение с собаками, похоже, натасканными на запах взрывчатки. Одна из закладок была найдена и обезврежена, а возле второй в засаде находились наши саперы с разведчиками, которые из карабинов и автоматов положили всю группу вместе с собакой. Пришлось группе уходить, так как на звук перестрелки должны были прибыть немецкие подкрепления, что и произошло. Началось преследование. Десяток саперов и автоматчиков уходили вглубь леса, а по их следам шел взвод немецких солдат. Натываясь на устраиваемые разведчиками засады с короткими перестрелками, замаскированные гранатные растяжки, количество взвода неумолимо уменьшалось. Наши кружили вокруг, встречая в лоб и обстреливая с тыла, несколько деморализованных такими потерями фрицев. Вечерело, взвод давно лишился командира, немецкие солдаты из резерва, еще не воевавшие на фронте, потеряли почти половину взвода, уже сами с трудом отбивались от наседавших русских. Они бы давно отступили бы за подкреплением, но эти чертовы русские вцепились в них мертвой хваткой, не желая отпускать из этого холодного белого леса. Им было непонятно, попали они в кого-нибудь или израсходовали патроны впустую, а их товарищи периодически падали, замирая навсегда на снегу. И они побежали, быстро не оглядываясь, лишь бы выйти из леса. Нарвавшись на боковую очередь из карабина, еще трое остались лежать на земле, а разведчик сибиряк аккуратно зафиксировал их смерть контрольным в голову, улыбаясь, засколь-

зил на лыжах следом. Этим вечером на базу не вернулся ни один немец из отряда. Вековой лес не выпустил из своих объятий никого из нарушителей белого зимнего безмолвия.

Разведчики, отойдя на семь километров от города, заминировали еще одну точку и, оставив дежурить секрет, углубились в лес. Сегодня был еще один тяжелый день. Собрав с убитых фрицев патроны и другие полезные вещи, бойцы расположились на ночлег. Как сказал Кольцов, им надо было продержаться три – четыре дня, то есть числа до 12-го, пока наши части не выбьют фрицев из города.

Ночью с рельс сошел еще один эшелон, вывозивший из города немецкое военное имущество.

Евгений с взводом прибыл под город Клин, проведя в лесах двое суток, от саперов с ним был Камиль Гаджоев со своими 4 бойцами. Он уже бывал в разведрейдах еще в составе разведвзвода 117-го полка, так что считался бывалым разведчиком.

«Жень, не дрейфь, сейчас разберемся, что к чему и начнем уполовинивать фрицев», – ободряюще похлопал по плечу Киричева Камиль.

«Так, товарищи командиры отделений, Камиль, прошу всех на совещание, – сказал Евгений и достал карту из планшетки. К карте подошли названные бойцы, а остальные расселись вокруг.

– Парни, наша задача собрать автотехнику, включая мотоциклы, легковые авто, тягачи, машины РЭБ, грузовики, радиотехнику, ограбить ремонтные базы, набрав инструмента и запчасти, склады продуктов питания, достать немецкую армейскую, а лучше ээсовскую форму. Все, что не сможем увезти, надо уничтожать. Сейчас это глубокий тыл, и тут пока относительно спокойно. Выходов на подпольщиков у нас нет, поэтому проще всего попытаться пообщаться с пацанами, они все видят и знают. В город пойдем я и сержант Владимир Кошкин, предварительно переодевшись во взятое с собой гражданское. Ночь провели в лесу под плащ-палатками, согреваясь теплом разожженных в ямках костров, прислонившись спинами друг к другу. Часовые посменно бдили на дальних подступах к стоянке.

Утром, заросшие за несколько дней нахождения в лесу, красноармейцы выдвинулись к городскому рынку. Бродить по городу без аусвайса днем было опасно, иначе они сами все осмотрели бы. Рынок не баловал большим ассортиментом, но, все равно, было много продавцов и покупателей, чаще не продавали, а меняли вещи на еду и наоборот, хотя расплачивались и деньгами. Бродя между торговых рядов, Кошкин прикупил бутылку самогона и пару блестящих советских зажигалок, обменяв их на пачки немецких сигарет. В общем, изображал обычного покупателя, зашедшего на рынок и имеющего свой интерес. При этом, Кошкин присматривался к окружающим, выискивая либо одиноких подростков, пришедших по делу, либо детские банды. Евгений страховал Кошкина издалека, тоже приценившись к пирожкам, купил штуки четыре с картошкой для себя и Кошкина. Однозначно, группки сбившихся подростков должны ошиваться у рынков. Точно, минут через двадцать появилась тройка подростков по 12-13 лет, оказавшаяся рядом с Евгением.

«Мужики, – обратился к ним Евгений, – вы тут все знаете, не подскажите, у кого можно комнатку снять на недельку-другую, у вдовы какой-нибудь, а если еще и покажите этот домик или квартиру издалека, я вам и денежек приплачу».

Пацаны более заинтересованно посмотрели на клиента.

– А сколько дашь?

– А сколько хотите?

– Пятьсот рублей.

– Да за такие деньги я и сам поищу – стольник.

– Не-е-е, за такие деньги ищи сам.

– Ладно, 200 и точка.

Парни пошли с базара вместе с Евгением в сторону окраины. Отойдя метров на 300 от базара к частному сектору, Женя заговорил: «Стой мужики, нога раненая побаливает, давай передохнем, заодно, по пирожку оприходуем, а то есть охота, а вам охота?»

– Ну, неплохо было бы и подкрепиться, а ты деньги давай, а то потом обманешь.

Евгений отсчитал из пачки двести рублей и отдал их ребятам вместе с пирожками и завел разговор: «А что, мужики, как думаете, Красная армия победит немца или нет?»

«Победит, конечно, только когда?» – ответил белобрысый паренек.

– Вот, если вы поможете, то она и победит быстрее, а вы, небось, деньги да вещи воруете на рынке.

«Не будешь воровать, Шрам на улицу выходить не даст», – сказав это, паренек насупился, видать лишнее сболтнул.

– А чего не навалитесь втроем на Шрама и не побьете его?

– Он взрослый и прибалтанный, и отец у него сидел в лагере за кражу. А не будешь ему поставлять дань, так он говорит, что в речке утопит.

– А отец его здесь живет?

– Да, в комендатуре немецкой полицаем служит.

– Ну, Шрам для вас большой, а для меня так, на один зуб, помогу, если надо с ним разобраться. А вы, я гляжу, парни взрослые и нормальные, в комендатуру служить не пойдете ж?

«Не-е-е, не пойдем, мы на фрицев работать не будем, а со Шрамом, правда, помочь сможешь?» – загомонили ребята.

– Отчего ж не помочь хорошим людям, но и вы мне помогите.

– А, что надо делать?

– Вы же все тут в городе знаете?

– Конечно, город же небольшой.

– А расскажите мне, где тут у немцев чего расположено, вот давайте в закуток зайдем, и вы мне будете рассказывать.

– Так вы, дядя, от Красной армии?

– От Красной армии, а вы можете помочь ей, действуя, как настоящие подпольщики в тылу врага. А наш командир найдет, как отметить вашу помощь.

Пройдя немного вперед, они зашли во двор одного из пацанов, живших в этом районе. Зайдя в сарай, Киричев расстелил карту города и попросил показывать, где что находится. Парни наперебой стали подсказывать, где у немцев комендатура, где базируется какой-то штаб, где живут немецкие командиры, где склады с продовольствием, а где у них гаражи с множеством грузовиков и других автомашин, как лучше пройти, чтобы не нарваться на патрули, которые несколько раз в день ходят по вот этим улицам. Отметив всё это на карте, Евгений убрал ее за пазуху, и все вышли на улицу.

– Где вашего Шрама найти можно?

– Он обычно в пивной бывает.

– Пошли, покажете, где эта пивная, только ко мне не подходить, а встретимся через десять минут, когда я подойду к краю рынка. Меня вы не знаете.

Пивная была грязным, зачуханным сарайчиком, где пива давно не было, а подавали самогон и какие-то бутерброды, непонятно из чего. В углу за столиком сидел Шрам с выражением лица глубоко ушедшего в медитацию монаха, то есть с пустым взглядом человека, находящегося в состоянии сильного похмелья. Евгений подсел рядом, сделав вид, что обнял Шрама, при этом резко повернул его голову в сторону. Хрустнули позвонки шеи, Шрам дернулся, да так и остался сидеть дальше с пустым взглядом уже мертвого человека.

Киричев поднялся и быстро вышел из пивной, двинувшись к рынку. Метрах в тридцати позади начал движение и Кошкин.

Увидав парней, Евгений спокойно направился к ним.

«Товарищ командир, там за вами следит какой-то мужик, он давно идет, еще с рынка за нами», – зашептал один из пацанов, показывая глазами в сторону Кошкина.

«Спасибо, разберемся с ним, но, молодцы, наблюдательные, еще один плюс вам, – так же тихо ответил Киричев, – а теперь парни по домам, ничего не ворует, я постараюсь принести для всех по банке тушенки тебе во двор, раздашь ребятам. Шрама больше нет, шею повернул неудачно и умер. Помните, вы о Шраме никому не рассказывали, а меня проводили к сдаваемой комнате, но мне дом не понравился и я ушел».

Евгений ушел, за ним также двинулся Кошкин, подмигнув ребятам.

– Может это полицей?

– Это тоже красноармеец, зуб даю!

– Рассекретили тебя пацаны, причем, срисовали сразу, как ты за нами от рынка двинулся.

«Наблюдательные», – ухмыльнулся Кошкин.

Растворившись в лесу, Киричев и Кошкин пошли к своей лежке. Пройдя мимо «секрета», были встречены бойцами взвода. Рассказав о своих похождениях, все пришли к выводу, что Шрама, конечно, надо было грохнуть, но позже, а сейчас полицаи будут суетиться. Но, что сделано, то сделано.

Половина группы под командованием Кошкина выдвинулась для контроля дороги из Клина на Калинин, с задачей уничтожить или захватывать все, что движется, а вторая половина взвода отправилась в город. Путь лежал к складу боеприпасов. Совершив ночную вылазку, разведчики провели рекогносцировку на местности отмеченных на карте мест. Вокруг квартала, где проживало начальство, стояли караулы в зоне видимости друг друга, то есть нанести ночной визит вежливости без шума будет проблематично, поэтому не стали даже пробовать.

Под покровом ночи десяток разведчиков проникли в дом, где проживал Шрам. В доме стоял сильный запах сивухи. Очевидно, папаша с компанией поминал своего сына. И точно, в горнице вповалку спали восемь пьяных полицейцев и какие-то тетки. Посреди комнаты стоял стол с остатками закуски и пустыми бутылками самогона. Без душевных терзаний разведчики зарезали всех, обойдя также все комнаты. Переодевшись в черную форму отрядов вспомогательной полиции Schuma или по-русски обычных «полицаев», которая была вышедшей из употребления в 1938 году формой войск СС, взяв документы, деньги и собранную нетронутую еду, которую по пути, как и обещали, закинули во двор пацана, восемь новых русских полицейцев оправились в патрулирование города. За ними двигалась остальная группа. Евгению подошла форма с большим количеством разных полос на погонах – вице-фельдфебель, так было написано в документах полицая, поэтому он и возглавил теперь уж полицейский наряд, направившись к железнодорожной станции.

Разведчики расположились в близлежащих к станции дворах, а полицейский отряд двинулось непосредственно к вокзалу. По разруочно-погрузочной зоне станции прохаживались немецкие часовые. Зайдя в кабинет начальника станции, Евгений решил «прощупать» его.

«Здравствуйте, господин Гуревич, в настоящее время, как вы знаете, наши германские покровители практически овладели Москвой. Не сегодня-завтра мы будем маршировать по Красной площади, в связи с этим наш батальон двигается в Солнечногорск, а наш взвод, к сожалению, оставлен на усиление местной полиции. Поэтому мне бы хотелось войти в курс дел в городе, а вы лицо уважаемое и ответственное, раз назначены на этот пост. И поэтому, как истинный патриот своей Родины, расскажите мне честно, как работается, никто ли из подпольщиков или красных диверсантов на контакт не выходил?»

– Почему вы думаете, что на меня кто-то должен выходить?

– Ну, как же, вы же имеете полные сведения о движении и комплектации проходящих составов, поэтому обязательно к вам должны обращаться люди с той стороны. Хочу сказать, что в двух городках нами уже ликвидированы враги Великой Германии. Так, что вы скажете

по этому поводу, господин Гуревич, околачиваются ли вокруг станции, вокруг вас лично или ваших подчиненных кто-либо из подозрительных личностей? Может быть, вам кто-то из подчиненных сообщил о своих подозрениях?

– Никак нет, господин полицейский, никто на меня не выходил, я честно работаю и нечего подобного не замечал.

– А кого из своих подчиненных вы считаете преданным делу Германии, а кто ненадежен из диспетчеров, обходчиков, ремонтников?

«Напрягся-то начальник, соображает, как лучше сказать, но будет врать, – размышлял Киричев, глядя на Гуревича, – только кто он, подпольщик или вынужденно работающий на этой хлебной, в общем-то, должности, или идейный враг?»

– Вы знаете, господин полицейский, я не контактирую близко с обходчиками, но раз они работают на Великую Германию, значит должны быть благонадежными людьми, а вот из кассирш, диспетчеров, да их, собственно, всего-то десяток человек, все приняли с радостью новую власть.

– А кто-то вам пишет или сообщает из подчиненных о своих подозрениях про врагов Германии?

– Только Бубнова была, она исправно докладывала все свои подозрения, но, к сожалению, недавно умерла. Несчастный случай, скользко, вот и она упала, ударившись головой о лед, и все.

– А вы кому из германских властей передавали все ее подозрения? Надеюсь, что все вами было оформлено письменно.

«Пауза затянулась, начальник стал потеть и взгляд забегал, значит, как минимум не предатель, но, вероятно, связан с подпольем, скрывал ее наветы, а когда она перешла какую-то границу, ее ликвидировали, – обдумывал ситуацию Евгений, – что делать дальше, как правильнее поступить, дожимать «клиента» или перевести разговор на другую тему?»

– Понимаете, господин полицейский, я не давал ходу ее подозрениям, потому что она никогда не уживалась с коллективом, даже в мирное время, а тут решила со своими коллегами девчатами посчитаться.

«А что, она только про них докладывала вам? Эх, выскальзывает станционщик, – занервничал уже Евгений, – ведь то, что она говорила уже чисто технически не выяснить. Так, похоже, придется применять физическое запугивание. Хорошо, господин Гуревич, но в будущем все докладные обязательно оформлять с числом, именем исполнителя и передавать в комендатуру, они сами разберутся, где слухи, а где правда. Что у нас сейчас на станции творится, какие эшелоны стоят, какие уходят и куда?»

– На станции находятся эшелон со снарядами к пушкам, завтра с утра рабочие приступят к разгрузке, эшелон с пушками длинными, э-э-э, точнее, гаубицами, и еще эшелон с танками также стоят для разгрузки, но этот вопрос находится на контроле у немецкого командования. Мне пока не поступало указаний, здесь их разгружать или на Солнечногорскую станцию отправлять, поэтому и задержка. Также стоит два пустых эшелона с теплушками для солдат вермахта.

Евгений выглянул в коридор и пригласил в кабинет двоих переодетых разведчика.

– А сейчас, господин Гуревич, одевайтесь, вы пройдете с нами в комендатуру, в гестапо. У нас есть большие основания подозревать вас в связях с подпольем.

– Ну что ж, господа, я готов идти, сейчас только попою воды.

Гуревич подошел к столу, налил в стакан воды, руки у него тряслись, достал какую-то коробочку и стал вынимать таблетку или ампулу. Евгений вспомнил, как Кольцов рассказывал им на теоретических занятиях, что часто немецкие разведчики носят с собой ампулу с цианистым калием, которую давят зубами и быстро умирают, унося тайны об агентах или развед-

данных с собой. Резко метнувшись к начальнику железнодорожной станции, он схватил его за руки и придавил к столу. Бойцы помогли скрутить руки.

«Да уж, Сергей Андреевич, рискованный вы человек, я совсем не думал, что вы решитесь на самоубийство. Мы чуть было не уничтожили патриота нашей страны, – отпустив Гуревича, сказал Евгений, – но мне надо было как-то выяснить, кто вы – наш человек или враг».

Гуревич растирал руки.

– Да уж, товарищи разведчики, а я уж подумал что все, закончилась моя жизнь.

– На будущее вы поняли, что так нельзя отвечать, гестапо бы вас за утаивание сведений живо выпотрошило бы, почему утаиваете, с кем связаны, да еще и, кто конкретно убил эту вашу доносчицу.

– Я не имею выходов на партийное подполье, к сожалению, но у нас есть наша группа из железнодорожников, а убил ее мой старший брат, когда она как-то раскопала или подслушала, что обходчики сыплют песок в буксы поездов и, что-то со сцепкой мудрят.

– Скажите своим, что числа 15-17 декабря наши войска выбьют фрица из Клина, так что пока пусть будут аккуратны, и надо портить поезда, которые будут уходить из города на запад, драпать, иными словами. А сейчас давайте пройдемся с вами по станции, я с минером посмотрю, как мы сможем взорвать эшелон со снарядами. После нашей отмашки соберете своих рабочих на совещание, чтобы не погибли при взрыве. Эшелон бахнет сильно, разнесет все, что можно в округе, поэтому настоятельно рекомендую под благовидным предлогом покинуть здание и отбыть на инспекцию в дальнюю часть станции.

Начальник станции, Киричев и Гаджоев в полицейской форме двинулись по территории, заходя в помещения с рабочими, склады, то есть куда смогли пройти, к эшелонам немецкие часовые их не пустили. Но, сделав необходимый обход, выявили мертвые зоны часовых, используя которые, предполагали подобраться к эшелону со снарядами, заложить тротил и подорвать его электромашинкой.

Станция хоть и освещалась маломощными фонарями, но далеко не вся. Через полчаса Камиль, забрав у своих минеров порцию тротила, снова легально зашел на станцию, целеустремленно двинулся к ремонтным мастерским станции и оттуда, уже прячась в тени, стал скрытно подбираться к составу со снарядами. Помогло то, что составы стояли рядом из-за недостатка свободных путей и можно было, прячась за одним, подобраться к нужному. Проведя минирование вагона пятнадцатью килограммами тротила, Камиль быстро проскользнул под вагонами, разматывая подрывной провод. На станции его подстраховывали разведчики-полицейские. Дождавшись, сидя за колесом вагона, когда мимо пройдет часовой и отойдет на приличное расстояние, где его отвлекли полицейские, угощая сигаретами и, что-то с ним обсуждая, Камиль выскользнул на край станции. Все! Время пошло, пока не найден провод, надо было быстро покинуть станцию, и подрывать. Разведчик с фотоаппаратом и ручным пулеметом, засевший на крыше двухэтажного жилого дома, сделал снимок целой станции. Через десять минут все, кто должен был, рассосались по дальним участкам станции или собрались в зале вокзала. Взрыв был относительно небольшой, но вот дальше началось светопредставление. Сдетонировавшие гаубичные снаряды разнесли сам состав, посбрасывали взрывной волной с рельс вагоны стоящих рядом эшелонов, перевернув и разметав их. При этом в воздух периодически вместе с новыми взрывами взлетали части пушек, вагонные колеса и другие куски от эшелонов и техники. Фотограф четко сделал несколько снимков разрухи.

Отряд тихо ушел в лес. Очистка и восстановление путей на пару дней точно заблокирует станцию. Радист отстучал радиограмму в батальон о проведенной диверсии.

Рассудив, что сейчас больше ничего не сделать в городе, разведчики ушли к своим товарищам, перекрывающим дорогу, попутно ночью заминировав обычными прижимными минами подъездные железнодорожные пути к станции километрах в трех за городом.

Утром, обнаружив во дворе сумку с продуктами, паренек вначале подумал все это богатство отдать домой маме, но сказано на всех, значит, на всех, и он честно поступит с товарищами. Собрав друзей и спрятавшись в сарае, приступили к изучению трофеев. В сумке было сало, квашеная капуста с клюквой, соленые грибы, буханка черного хлеба и три банки американской тушенки – настоящее пиршество для голодных детей. Все отнесли к маме, которая, узнав, кто это оставил и за что, порезала равными долями на троих, строго наказав мальчикам молчать, иначе в гестапо замучают. Довольные ребяташки разнесли все по домам, а днем, слоняясь по рынку, узнали новость ночи.

– Слышали! Партизаны убили полицаев, а самое главное взорвали эшелоны на станции. Вон оно, что так грохотало ночью!

Ребята заговорщицки перемигивались, ощущая свою причастность к этим большим делам, творившимся в городе.

«Какая тяжелая ночь оказалась, чуть не помер, – с нервным смехом подумал Гуревич, – сейчас снова начнутся расследования, допросы, надо будет подготовиться, где я был и что делал в эту ночь. Хорошо, что разведчик дал переписать данные своих документов, то есть убитого ими начальника полицаев. Но, мы молодцы, такое дело провернули, и людей своих я сохранил, все смогли вовремя схорониться и не попасть под взрывы, а охрану немецкую так разорвало, что и частей тел не нашли, как там сапер пошутил «одна нога там, другая здесь».

Встретившись, разведчики вышли на исходные позиции и расположились в лесу с обеих сторон Ленинградского шоссе, идущего на Калинин, в будущем ставшим Тверью, недалеко от выходящей на шоссе небольшой лесной дороги. 11 декабря была морозная ясная погода. В полученной из батальона ответной радиограмме сообщалось, что идут бои за Солнечногорск и через день два фронт подойдет к Клину.

В этот день немцы начали отвод своих тыловых частей из города по шоссе. Попадались разведчики мотоциклисты, мотающиеся по шоссе в обе стороны, но их пропускали, ожидая более крупную добычу. Медленно проехала пара мотоциклов с укутанными в шарфы гитлеровцами. Вдалеке показалась колонна автотранспорта. Возглавляли колонну два автомобиля "Horch-901", за ними медленно катили два тяжелых полугусеничных тягача «Sd.Kfz.8» фирмы «Krauss-Maffei AG», парочка знакомых нам «Maultier», потом ехали три обычных тентованных грузовика «Krupp-L3N163» и три таких же «Крупа» со сварной металлической будкой, на крыше одного из которых была установлена антенна радиолокатора. Спереди и сзади колонну замыкали сопровождающие бронетранспортеры «Напомог».

Все это было установлено, когда колонна поравнялась с залегшими в белых маскахалатах за деревьями разведчиками, а до тех пор было просто видно, что в составе колонны есть грузовики и БТРы. Решено было атаковать по отработанной схеме, четыре снайпера, рассредоточенные по краям засады, выбивают пулеметчиков, потом водителей, остальные уничтожают личный состав из СВТ, автоматов и гранатами.

Когда передовой бронетранспортер поравнялся с последним снайпером прозвучал первый выстрел и пулеметчик упал на пол БТРа, тут же защелкали выстрелы винтовок, выбивая остальную охрану и сразу к бронемашине полетела лимонка, разорвавшаяся в кузове, выведя из строя водителя и спрятавшихся за бортами пехотинцев, аналогичная ситуация была и в конце колонны. Передний бронетранспортер завиял и остановился, перегородив часть дороги. Все это действие заняло меньше минуты времени. Легковая машина остановилась, и оттуда вылез какой-то тыловик в звании майора вермахта.

«Nicht schießen, nicht schießen, Hitler caput!» – закричал он, поднимая руки вверх. Из второй машины выбрался гауптман с поднятыми руками, а за ним шофер с лейтенантом.

«Не стрелять, Гитлер капут», – перевел Самсонов.

В это время вдалеке послышался шум моторов, и появились возвращающиеся мотоциклисты, вероятно, услышавшие стрельбу. Оба снайпера с расстояния метров в 800 начали

стрельбу, отстреляв по 4 патрона. Три автоматчика бросились бегом к остановившимся мотоциклам. Из остальных машин под прицелом автоматчиков стали выпрыгивать немцы, судя по форме, относящиеся к тыловым частям.

Самсонов стал переводить задаваемые Киричёвым вопросы и ответы немецких офицеров.

«Мы никого не убивали, мы всего лишь часть авторемонтного батальона, эвакуируем в Калинин мобильную автомастерскую, запчасти, станки, генераторы и прочий технический инструмент, это все мои солдаты-механики, а в той машине радисты, но они мне не подчиняются», – переводил речь майора Самсонов.

«Плохо дело, Леш, – проговорил Евгений, – сейчас радисты заперлись в своем бронированном кунге, уничтожают коды и саму аппаратуру».

«Бойцы, слушай приказ, всех двадцать фрицев в кузов грузовика, технику загоняем в лес по этой дороге. В машину с радиопеленгатором за руль сажаем немца шофера, а Кошкин рядом. Уходим с дороги, десяток бойцов остается замести следы от съезда здесь техники.

«Леша, переводи майору, – сказал Евгений, – вы являетесь с этого момента военнопленными и, поскольку вы все технический персонал, то я гарантирую вам жизнь и гуманное обращение. Но, если кто-то из вас попытается бежать или чинить нам вред, то все будут расстреляны».

Самсонов перевел, а затем они подошли к будке, и Самсонов снова стал переводить речь Киричёва о том, что немцам гарантируется жизнь, если они добровольно пойдут на сотрудничество. В противном случае их привезут живых или мертвых в распоряжение Красной армии и вскрыют автомобиль. Раздался шум открываемой щеколды и четверо немцев вышли с поднятыми руками. Ожидая от немцев подлянку, Евгений надел на автомат шапку-ушанку и высунул ее в дверной проем. Раздались pistolетные выстрелы, шапка слетела с дула автомата с рваными дырками. Помахав снайперу, Евгений открыл дверь на всю ширину, раздался выстрел СВТ. После них в кунг автомобиля резко рванул один разведчик, за ним второй, но немецкий офицер уже был мертв.

– Жень, как ты додумался?

– Как говорит Кольцов, интуиция сработала и эпизод из фильма «Чапаев» вспомнился.

Пленных радистов присоединили к остальной группе немцев, и колонна убралась с шоссе, за ними съехали на заснеженную грунтовку парни на захваченных мотоциклах. Оставшиеся разведчики усиленно еловыми лапами заматали следы гусениц и колес в месте съезда и вначале лесной дороги.

«Камиль, Шаламов Вова, возьмите все оставшиеся мины и поставьте их на шоссе метрах в семистах отсюда в сторону Клина, пусть подальше от этого спуска разбираются с диверсантами, а потом через лес нас догоните», – дал команду Киричёв.

Колонна двигалась подальше от шоссе, а там, как лесная дорога выведет, потому что никто не знал, куда она, в итоге, приведет. Через три часа стемнело, и был сделан привал. Выставив часовых, народ развел небольшие костры и, воспользовавшись немецкими припасами, поужинали, так же накормив и пленных.

«Что нас ожидает, герр лейтенант? Ведь вы же учтёте, что мы добровольно сдались», – спросил майор. Ответа русского ждали все немцы.

Женя усмехнулся про себя – кто он такой, чтобы что-то гарантировать этим людям. С одной стороны, технари, они у фрицев технари, живут в своем мире, со своими задачами, участвовать в расстрелах советских граждан не должны были.

«Леш, переводи», – обратился к Самсонову Киричёв.

– В расстрелах участвовали мирных граждан?

– Никак нет, мы техническое подразделение, у нас свои задачи, мы идем вторым или даже третьим эшелонам.

«Я вижу, что вы все хорошие специалисты своего дела, – обвел взглядом немцев Евгений, и, увидев согласные кивки после перевода, продолжил, – наверняка среди вас есть или тайные коммунисты Германии или сочувствующие делу коммунизма?»

– Есть сочувствующие, ведь все мы из рабочих немецких семей.

– Учитывая это, я буду рекомендовать своим командирам использовать вас по вашему профилю в качестве ремонтников и радистов в нашем батальоне. Но все это можно оформить только при честном и добровольном вашем сотрудничестве. В противном случае вас ждут сибирские лагеря или расстрел. Сейчас, как вы знаете, пленных практически не берут ни ваши, ни наши – негде их содержать и кормить нечем. Так что думайте, выбор за вами.

«Ну ты и агитатор, командир, так всех немцев завербуешь на нас работать», – улыбнулся Кошкин. Его смехом поддержали другие бойцы. Попутно прошла смена подзамерзших часовых.

Вечером, в оговоренное время, снова был короткий сеанс связи с базой, во время которого были сообщены сведения о боях в Солнечногорске. Основные бои на правом крыле Западного фронта развернулись вокруг Клина. Уже к вечеру 13 декабря клинская группировка противника оказалась в полуокружении и начала отступление. Вечером 14 декабря части 30-й армии вошли в Клин. В ответ Олег Трофимов, приданный группе радист, передал подготовленную Женей радиошифровку.

«Что за ерунда, какие интернационалисты, что там Женя мутит?» – разорвался Орлов, расшифровав полученную радиogramму и показав ее Чайкину.

«Сидят в лесу, грузовики взяли, ремоборудование взяли, машину пеленгатор взяли, немецкую интербригаду радистов и механиков взяли, всех взяли, ну Женя дает! Осталось только фельдмаршала фон Бока взять, – засмеялся Чайкин, – пойдём к Кольцову, пусть теперь он мозг морщит с этой интербригадой».

Кольцов наблюдал за занятиями радистов, вспоминая еще разные тонкости. Часть «студентов» под командованием Дмитрия Киричева ставила спаянные инженерами и самим же Димой, имитаторы закладок, а их условные соперники из другой группы под началом Размазнова, занимались их выявлением с помощью ручных пеленгаторов, и также спаянных инженерами индикаторов электромагнитного напряжения – индикаторов поля. Тут же поставили свои закладки и минеры: толовые шашки, растяжки из лески и пустых магазинов со скрепками, имитирующих гранаты с чекой, чтобы поисковики и на это обращали внимание.

Все было чинно и благородно, до тех пор, пока в класс ввалились Орлов и Чайкин со словами: «Командир, смотри, что тут наш Женя учудил?» – и сунули мне в руки радиogramму. Занятие было временно сорвано.

Прочитав, я рассмеялся: «Похоже на то, что Евгению добровольно сдались технари, которые сопровождали колонну, и он им наобещал пристроить к делу, оформив все это, как интербригаду немецких социалистов. В общем-то, решение хорошее и правильное – не пустить в расход грамотных ремонтников, а привлечь их в помощь Воронову и Чайкину. Другое дело, как проверить их благонадежность? Ладно, с механиками проще, а вот радисты? Если их использовать по назначению и вступить в контригру с фрицами, не выдадут ли они нас каким-нибудь секретным знаком «работы под контролем». Но тема интересная, надо с Горяевым переговорить».

Занятия продолжились, а я ушел к себе. Завтра к вечеру планировался выезд в штаб армии для проведения поисковых работ в рамках мероприятий РЭБ, пока еще со мной, в качестве главного командира. Утром я с Ломовым и Филипповым отправился в Москву забрать всех тех, кого были должны из людей и технические заказы. Рассчитавшись с металлстами, забрали у них сваренные компактные печки-буржуйки примерно по 10 килограммов весом, в ателье разгрузочные жилеты и рюкзаки, пообещав, что от нас еще будут различные заказы в будущем. Забрали по пути фельдшера и заехали в госпиталь.

«Привет! – поздоровался я с Надеждой, встретившей нас в приемном отделении, – Мама работает?»

«Нет, с утра сменилась, вечером придет, так что заходите», – улыбаясь, как старым знакомым, ответила Надя.

– Вечером не получится, уедем к себе, а ты как, будешь медиком, как мама или еще не решила?

– Еще не решила, но я еще в школе учусь, время есть подумать.

– Ладно, Надюш, мы пойдем проведем наших ребят.

Попрощавшись с медсестрой, накинув халаты, я с Филипповым поднялся в отделение, где нас пропустили к парням. Оставив у ребят несколько банок тушенки, чтобы поправлялись быстрее, поводав и немного поговорив с Шубиным, отправились на поиски Михаила. Встретили медсестру Оксану, расспросили ее о Ване Трофимове, нашем поваре.

– Вы знаете, товарищ командир, а он идет на поправку, думаю, что через недельку его выпишут и отправят на фронт, а то он все рвется к вам в отряд.

– Ну и отлично, а то у нас главного повара-то и нет.

Потом Оксана нашла Мишу, и мы недолго переговорили с ним.

– Эх, тут, конечно, много работы по моему профилю, но тоскую я, командир, о наших рейдах по тылам, там адреналин-то был.

– Но здесь тоже адреналин есть.

– Есть и тут свой адреналин, конечно, когда стараешься вытащить пациента, борешься за каждый раздробленный палец, но это другое.

– Что ж, Михаил, говоря словами приветственной речи, написанной над воротами концентрационного лагеря «Бухенвальд» «Jedem das seine» или говоря по-русски «каждому своё». Вот закончится война и остался бы ты недоучкой фельдшером-разведчиком, который, потев еще кучу лет на институт, стал бы недоучкой врачом, а так у тебя наработается реальный опыт, попутно завершишь высшее образование и уже по окончании войны будешь полноценным врачом-орденоносцем, который может и дальше работать в Москве, а может поехать в провинцию, например, главврачом местной больницы.

– Сань, а как ты думаешь, что было бы лучше из этих двух вариантов?

– Миш, все зависит от того, как у тебя тут пойдет карьера. Чем ближе к власти, тем больше завистников, которые с удовольствием тебя ославят и сожрут – в Москве их, однозначно, будет больше. А в небольшом городке ты будешь практически царь медицины, да и нравы там проще будут. Но вот с точки зрения условий труда, оборудования, зарплаты, в конце концов, Москва – это Москва. Поэтому, все будет зависеть от конкретных условий, в которых ты окажешься после войны. В конце концов, никогда не поздно уехать в провинцию, там такой врач на вес золота будет.

– А ты что думаешь о своей жизни после войны?

– Ничего не думаю, Миш, постараюсь делать военную карьеру, пока идет война. В мирное время это будет тяжелее, там надо льстить, подмазывать, а я как-то не очень это люблю, иду на это, если надо для дела, но противится этому моя сущность. После войны армию сильно сократят, поэтому может в армии удастся остаться, а может быть, уйду каким-нибудь администратором на гражданку.

– А вообще, что тебе хотелось бы?

– Хотелось бы собрать наш коллектив, потому что знаем и не подведем друг друга, в каком-нибудь небольшом городке и начать строить там счастливую жизнь в одном отдельно взятом месте. В общем, поживем – увидим, как оно будет в будущем. Что там насчет пенициллина?

– Пока не знаю, Вера Евгеньевна теребит Петровского, даже ездили по этому поводу в мединститут, но пока мне ничего конкретного не сказала. А вот по поводу йода, командир,

откуда ты знал об этом? Реально, мужика с острым воспалением в кишечнике за три дня подняли, конечно, он еще лечится, но прогресс налицо!

Хотел сказать Мише, что это какая-то светлая голова из медиков через несколько месяцев начнет применять эту разработку доктора Мохнача в лазаретах, но воздержался.

– Это, Михаил, знак свыше, тебе ли не знать!

Мы оба посмеялись и, на этом распрошавшись, Михаил ушел к себе, а мы поехали в школу забирать будущих переводчиков, а следом обещанных саперов и поваров. Пока батальону готовили привлеченные за денежную и продуктовую оплату сходненские жительницы.

– Командир, как думаешь, будут ребята в школе или никого не отпустят.

«Что за ребята?» – поинтересовался Потапов.

– Школьники 10 класса спецшколы со знанием немецкого языка, хотим их как переводчиков использовать в паре с радистами.

«Будут, сами увидите», – ответил фельдшер.

В школе толпились родители и десяток парней с чемоданами и сумками, среди которых я увидел и сына директора школы. Я поприветствовал народ.

– Товарищи родители, не переживайте, постараемся не только сберечь ваших детей, но и сделать из них крепких, ответственных за свое слово, мужчин. В кузове рюкзаки, все личные вещи из чемоданов перегрузить в рюкзаки, всё, что в них не влезет, оставляем дома, еду тоже оставляем своим родителям, им еще ваших сестер и братьев кормить.

Ко мне подошла директор: «Сбили вы Ванечку с пути, товарищ командир, но он уперся – не смогла его переубедить, пусть уж едет, воюет. Вы там уж присмотрите за ребятами».

«Объясните родителям, что их дети, в основном, будут находиться в тылу, занимаясь переводом немецких радиogramм или допросов пленных немцев. Будут ежедневно физически тренироваться и, может быть, через годик, когда окрепнут, наберутся военного опыта, кто-то и станет ходить в тыл врага с боевыми группами таких же ребят из состава разведчиков. Так что в атаку их никто в нашем батальоне бросать не будет, ну а погибнуть, погибнуть и в Москве можно. Все будет хорошо, а ребята сделали правильный выбор – выбор настоящего человека».

Через несколько часов мы прибыли в батальон, ребят накормили, поставили на довольствие, выдали форменную одежду и определили места для ночлега в общем зале. С завтрашнего дня для них наступят военные будни. После знакомства ребят со своим будущим местом работы, я толкнул напутственное слово: «Помните, товарищи красноармейцы, от вашего перевода зависит очень многое: неправильно перевел, куда, например, передислоцируется часть, и вместо прибытия вы перевели, как убытие этой части с фронта, а в итоге, вместо ослабления фронта по факту произойдет его усиление, что повлечет гибель наших солдат в будущих атаках. То есть, может получиться, как в анекдоте, только с другими последствиями. Вы знаете, что в деревнях Ростовской области, Донбасса, Кубани используются местные обороты речи, зачастую, много слов из украинского языка, поэтому, услышав речь, не сразу и поймешь, что имелось в виду. Так вот, анекдот: «Приезжает внучок из столицы в деревню к деду. Дед выходит его встречать из дому и радостно говорит: «Внучок, ты, чи, пидрос! А внук ему в ответ: «Сам ты чипидрос, козел старый!» Так что, практикуйтесь в языке, разговаривайте между собой только на немецком, или один читает вслух, а другие слушают и переводят. Так же переводите записанные реальные немецкие переговоры. Каждый из вас будет прикреплен к радисту и станет посменно заступать вместе с ним на боевое дежурство, а в остальное время вас ждет учеба и спецтренировки».

А 13 декабря стали прибывать бойцы роты Малеева из Солнечногорска. К зданию школы подкатили две колесных немецких полуторки «MAN», четыре мотоцикла «Zundapp ks 750», которые в будущем в советском исполнении станут «Уралами». Сам Малеев вышел из легкого полевого вездехода «Kubelwagen Typ 82» – одного из лучших немецких военных автомо-

билей, простого в обслуживании и эксплуатации, за которым лихо подрулил второй такой же с разбитым боковым стеклом.

Мы обнялись с Алексеем.

– Молодцы, ребята, удачно сходили, фотографии делали, а что с потерями?

«Виноват, командир, не доглядел, – лицо Малеева помрачнело, – трое раненых и трое пали смертью храбрых, хоть мы и щипали немцев здорово, офицеров с унтерами разными человек сорок положили, да пехоты роты две, но и они огрызались. Нас только то, что мы из засады в лесу атаковали, и спасало от серьезных потерь. Мы, как скифы-кочевники, налетели, постреляли и ушли в лес, не принимая боя, и так постоянно в разных местах. Еще немного техники немецкой попортили, идущей по дороге, да три состава удалось взорвать. Крушение составов фотографировали, и, если удавалось, то атакованные нами колонны тоже, но это не всегда».

– Что делать, война.

Разведчики выгружали раненых красноармейцев и уносили их в комнату, определенную, как операционная нашего батальонного госпиталя, где за них принимались фельдшер и два врача, а также приписанные к медчасти санитары из пехотного пополнения. Тяпов, а затем и Черепов уже несколько дней обучали их общим медицинским премудростям. На поселковом кладбище похоронили привезенных троих разведчиков, под прощальные выстрелы почетного караула из бойцов роты Лаврикова.

К вечеру мы выдвинулись на командный пункт 16-й армии. Снова рутинная работа по проверке эфира, проводных линий связи совместно с армейским связистом, прожиг линий мощным электроимпульсом, визуальный осмотр помещений. Но в этот раз все было чисто. Сейчас техника не достигла того уровня маскировки, шифрования сигналов, размеров и других технических параметров, которые были в 21 веке, она была намного примитивнее и проще. Поэтому и поисковые мероприятия давали большую гарантию того, что все закладки будут найдены. Конечно, можно вспомнить, как советские конструкторы создали пассивное подслушивающее устройство, названное «златоуст», похожее на головастика с маленьким хвостом: ни элементов питания, ни тока – ничего, что можно было обнаружить с помощью технических средств того времени. С расстояния до трехсот метров головастик облучался генератором, установленным на верхнем этаже жилого дома, напротив здания американского посольства. Но, чтобы установить "жучка" в кабинете посла пошли на хитрость – предложили вмонтировать пассивный микрофон в некий подарок послу. 9 февраля 1945 года на открытии пионерской здравницы "Артек", приглашенному в знак глубокой благодарности за помощь в годы войны, послу США в Москве Авереллу Гарриману четверо пионеров внесли огромный, сверкающий лаком, деревянный Герб США.

Потерявший от восторга дар речи, осторожнейший дипломат Гарриман, едва ли не впервые за свою карьеру выпалил, что думал: «где мне его держать – такая красота!»

Проинструментированный накануне дипломат Бережков ненавязчиво заметил: "Да повесьте у себя в рабочем кабинете, англичане умрут от зависти".

В итоге "златоуст", спрятанный в гербе Соединенных Штатов, благополучно оказался на сверхсекретном этаже здания американского посольства в Москве. Операция НКВД под кодовым названием "исповедь" – прослушивание совещаний, проводимых послами, началась и продолжалась восемь лет. "Златоуст" пережил четверых послов. Самое удивительное то, что каждый из них стремился полностью, от чернильницы до паркета на полу, поменять интерьер кабинета. Неизменно оставался на своем месте только герб. Его художественное совершенство действовало гипнотически – даже шторы на окнах и мебель подбирались в тон цветовой гамме герба. Наконец-то, обнаружив "златоуста", американцы семь лет хранили в тайне это униженное для них открытие. И только в мае 1960 года, после того, как мы сбили самолет-шпион

с Гарри Пауэрсом на борту, Вашингтон обнародовал эту историю, мол, советы шпионят не меньше нашего. Но, немцы – до такого немцы не додумались.

К пятому дню, отмахав по зимним лесным дорогам около 150 километров, группа Ледкова вышла на заданные позиции. Впереди шла группа разведчиков на лыжах в белых масках-халатах, прокладывая путь по снегу, потом пешком шла основная часть роты, и на удалении в километр так же замыкали движение лыжники в масках-халатах. Сзади слышна была далекая канонада – фронт медленно, но уверенно смещался вдогонку группе.

Наблюдая в бинокли обстановку, Ледков, Лосев, Бурят и Сытенко задумчиво переговаривались.

– В поселке пару отделений насчитали ребята, здесь тоже человек двадцать будет, вот два дота с обеих сторон плотины сооружены, в каждом по 5 фрицев с «крупняками», то есть крупнокалиберными пулеметами. Интересно, чего так фельдфебель разоряется на кого-то?

В бинокль было видно, что какой-то чин отчитывает двух солдат.

– Ладно, все это лирика, ясно, что тут не больше роты. Когда попытаемся взять плотину под свой контроль?

Сытенко еще раз посмотрел на плотину: «Отсюда ничего не видно, если уже заминировали, то подрывные заряды должны быть заложены вон в тех точках и взрыв будет произведен по кабелю от взрывной машинки. Взорвать они должны будут, когда немцы пройдут заливную площадь, а немцы еще держаться километрах в пятидесяти восточнее, то есть, как минимум сутки у нас точно есть».

– Ты это к чему сказал, чтобы дожидаться прохода немцев и тогда отбивать плотину? В этом случае есть большая вероятность, что ее взорвут раньше, чем мы ее захватим.

– Согласен, не успеем, потому что не знаем, когда поступит команда и сколько тут фрицев пройдет, но думаю, что основные силы к Волоколамскому шоссе пойдут, чтобы по дороге отступить, а не по лесу. Сюда, разве что, разбитые или заблудившиеся подразделения забредут при отходе.

«Значит, так и поступим, ночью захватываем плотину и удерживаем ее до подхода наших частей», – подвел итог дискуссии Ледков. Вечером состоялся радиообмен, в котором радисты батальона сообщали о том, что ведутся бои за Истру, поэтому роте предписывалось ускорить захват и удержание гидроузла.

Дождавшись ночи, бойцы окружили, как укрепление возле плотины, так и небольшой поселок, где жили сотрудники плотинного хозяйства и фрицы. В одном из домов шло веселье, через окна была слышна губная гармошка и пьяные крики фрицев. Бурят с тремя бойцами подошел вплотную к домику, окружив его, когда распахнулась дверь и на мороз выскочила в одном платье деваха, за ней выбежал в расстегнутом кителе немецкий офицер. В комнате через распахнутую дверь слышался смех и подбадривающие крики сослуживцев. Девчонка кинулась к калитке, но калитка, как назло, открывавшаяся не в ту сторону, затормозила ее, однако, за ней никто не бежал. Справившись с калиткой, она выскочила на улицу, оглянулась назад и увидела, как два белых привидения уложили немца на землю.

«Свят, свят, ужас-то какой!» – крестясь, взвизгнула девица, и, развернувшись, чтобы бежать к соседям, уткнулась носом в третью.

«Тихо, свои! – сказала приведение шепотом. – Кто в доме и сколько их?»

Девушка, заикаясь, стала считать: «Я, родители двое, братиков двое маленьких, семеро, то есть уже шестеро фашистов».

«Вот и молодец, а теперь тихо позови родных из дому», – снова сказала «оно».

«Тьфу ты, какое же оно привидение, – улыбнулась девушка, подумав про себя, – наши это!»

Краем глаза она заметила, как и соседний дом окружили чужие люди.

«Не стой, замерзнешь», – поторопил девушку наш разведчик.

Девушка, зайдя в дом, позвала маму: «Мама, берите братьев и бабушку и на улицу быстро!»

«Что случилось-то, дочка, куда нам идти», – захлопала полненькая мамаша, – мороз же там, холод».

Появился отец из подпола с засоленными грибочками.

«Папа, срочно бери всех, и выходите на улицу, наши во дворе, сейчас немцев убивать будут!» – зашептала девушка.

Отец грозно цыкнул на жену: «Хватит хлопать, живо с детьми на улицу, вот бабы ж! – и громко продолжил. – Господа фрицы, зер гут, очень хорошие грибы, битте, пожалуйста!» – выставляя на стол бочонок с грибами. Потом бочком выскользнул из горницы в сени и, далее, на улицу.

«Товарищи красноармейцы, у фрицев только пистолеты в кобурах, но все сильно пьяные, давно сидят за столом», – выйдя на улицу, сказал отец семейства.

Бурят спокойно зашел в дом и из пистолета с глушителем положил всех шестерых немцев, после чего так же с восточным спокойствием дополнил патронами магазин. За столом остались сидеть мертвые гауптман, два лейтенанта и три фельдфебеля – потом вынесут.

«Сколько немцев в поселке?» – спросил Бурят у хозяина дома.

«Я, Васин, смотритель гидроузла, а немцев всего было пятьдесят человек, взвод примерно, из них по пять сидят в дотах, еще семеро в домике у плотины, значит, в поселке осталось 26 рядовых, всех командиров вы порешили», – ответил смотритель плотины.

В поселке, состоящем из десятка домов, было тихо, Васин будил хозяев, выводил их на улицу, а красноармейцы, узнав расположение врага, спокойно убивали спящих, или готовящихся ко сну немцев.

На плотине было сложнее. Там фрицы стояли на посту, двое бодрствовали, сидя в укреплении, а трое, включая ефрейтора, спали в доте. В доме все прошло легко: вытащив стекла в коридорном окне, Бурят в одной гимнастерке проскользнул в коридор, открыл дверь, и группа разведчиков перерезала спящих немцев ножами. Утром, когда часовые из дотов стали открывать двери, выходя на улицу, бойцы врвались в них, захватывая в плен, не ожидающий такого подвоха, личный состав. Допросив пленных, разведчики с трудом выяснили, что те ничего еще не минировали, мин нет, и никаких команд не поступало. Выведя всех немцев в лес, пленных расстреляли.

Распределив оба взвода с обеих сторон плотины, бойцы занимали круговую оборону, контролируя из засад в лесу и дотов подъездные пути к гидроузлу Истринского водохранилища. Ребята морально готовились стоять до конца, чтобы сохранить ее в целостности, вот уж действительно «ни шагу назад». Хотя на инструктаже отряда, Ледков четко определил оборонительную тактику – отходите, меняйте позиции, маневрируйте, только не дайте немцу взорвать плотину, иначе все будет зря. Также было выделено по ударному отделению лыжников, которые будут тревожить немцев на марше и с тыла.

Несколько бойцов отогрелись в домике, готовясь уйти в лес в засады, когда зазвонил телефон. Трубку поднимать не стали.

«Началось, теперь слово за нами, – сказал Ледков, поднимаясь, – делаем все, как определили, будем ждать гостей».

Телефон долго тарахтел, но его так никто и не поднял, незачем. Через три часа по дороге со стороны городка Истра показался грузовик. Когда он подъехал поближе, вышедший из дота переодетый в верхнюю немецкую одежду разведчик приветливо помахал им рукой, и снова зашел в дот. В это же время из дома вышел немецкий офицер в чине гауптмана, понятным жестом руки пригласил прибывших в дом, и снова зашел внутрь.

Из подъехавших машин вышло десятков немцев, которые стали разминать ноги, похлопывая себя по бокам шинелей, двое из которых зашли в дом.

«Guten tag, hände hoch, herren, bitte!» – сказал Ледков, наведя на зашедших пистолет с глушителем, с боков фрицев контролировали двое разведчиков с автоматами.

«Добрый день, господа, с прибытием, и руки вверх, пожалуйста, или я непонятно говорю», – уже по-русски зачем-то повторил Сергей, характерно качнув стволом пистолета вверх.

После того, как сдались офицер и фельдфебель, этому последовали и остальные минеры. В грузовике было порядка трехсот килограммов тротила. Выяснив в общих чертах их задачу, немцев расстреляли. Полуторку отогнали в лес, подальше от плотины.

Ближе к вечеру снова надрывался телефон, но его опять никто не взял. В контрольное время Ледков вновь получил радиogramму, что Истру взяли, фашисты отступают на Волоколамск, но цепляются за позиции на реке Истре. А утром порядка батальона немецкой пехоты пожаловало к водохранилищу. Рота Ледкова противостояла пехотному батальону. Бойцы стойко оборонялись, уходя в лес, петляя и снова возвращаясь на позиции после минометного обстрела, сдерживая вражескую пехоту. Доставалось и плотине, но она выдерживала попадания мин батальонных минометов. Группы лыжников обошли по дуге вражеские позиции, и, выйдя на уверенный винтовочный выстрел к минометным позициям, расстреляли расчеты, снова уйдя в лес. Доты с крупнокалиберными пулеметами уверенно сдерживали немцев на приличном расстоянии по фронту. Фашисты обходили советские позиции через леса, но и тут наткнулись на снайперов и автоматчиков. Весь день было такое вязкое противостояние, но немец упорно оттеснял наших к водохранилищу, да и ряды красноармейцев редели. Радист Ледкова слал радиogramмы о положении дел, прося усиления, сообщая, что немцы их оттесняют из-за большого превосходства в вооружении и численного состава. Они будут стоять до последнего солдата, но не смогут выполнить задачу, потому, что некому будет защищать плотину.

В это время 16-я и 20-я армии продвигались на запад. На рубеже Истринского водохранилища немецкие войска пытались оказать 16-й армии серьёзное сопротивление. Однако, прорыв наших частей, идущих через леса на помощь защитникам Истринского гидроузла, был совершен вовремя и под вечер 12-го декабря советский стрелковый батальон, выйдя во фланг немецких позиций, сходу атаковал их правый фланг, полностью смяв его. В результате вмешательства новой силы немцы были вынуждены оттянуться назад в сторону шоссе, теперь уже сами, заняв круговую оборону. Бой продолжался до темноты, после чего немцы стали спешно отходить, забрав грузовики, но побросав минометы со снарядами. Уставшие красноармейцы не преследовали тех.

Все, кроме выставленных часовых, занимались ранеными, трофеями и готовкой еды. В разведроте были большие потери, пятнадцать бойцов погибло, еще два десятка были ранены: кто-то был «тяжелый», скорее всего, не доживший до госпиталя, несколько легкораненых, ограничившиеся промыванием ран спиртом и перевязкой. Немцев разведчики положили примерно 60 человек в основном в начале сражения, когда немцы с ходу атаковали позиции роты, а сколько было раненых непонятно. Сюда же вошли и почти 20 человек минометчиков, тоже лежащих группой, да еще десяток погиб в лесу от снайперов. Также прошлой ночью был уничтожен охранный взвод плотины и отделение минеров общей численностью в 60 человек.

Ледков вместе с комбатом и двумя ротными прогулялись в поселок, где их накормили домашними соленьями и взбудрили самогоном. Красноармейцы не чурались того, что еще день назад этот же мужик кормил немецких офицеров – это война, не накорми он их, так всю семью и расстреляли бы.

Поскольку новое затопление водой из водохранилища в этой истории удалось предотвратить, то фланговый прорыв двух советских группировок севернее и южнее водохранилища произошел на пару дней раньше и заставил немецкое командование быстро отступить в западном направлении. Тем самым, оборона противника на рубеже Истринского водохрани-

лица была прорвана. Хотя, взятие Волоколамска произошло без изменений, в свои сроки. 20 декабря немецкие войска были выбиты из Волоколамска. В этот же день правофланговые части 1-й ударной армии, развивая преследование противника, вышли к реке Ламе. Но попытка 1-й Ударной, 16-й и 20-й армий сходу прорвать оборону противника существенных результатов не дала. Боевые действия на этом рубеже приняли затяжной характер. А, поскольку, все это происходило в жестокие морозы, множество немцев, неготовых к холодам, просто замерзли в окопах, поэтому, достаточно легко сдавая полевые или лесные позиции, как клещи цеплялись за каждый населенный пункт с теплыми домами. Жесткая оборона германцев, основанная на принципе «жемчужного ожерелья», то есть когда каждый населенный пункт становился укреплением, в котором каждый дом, каждый подвал превращался в мини-дзоты, давала свои плоды, очень сильно тормозя наше наступление.

Наши войска мерзли не меньше, но вот с зимней одеждой было намного лучше: ватные штаны, валенки, ватники или тулупы с шапками-ушанками и советским спиртом, позволяли переносить морозы легче. Великое дело делали рядовые тыловики, в таких условиях вовремя снабжая передовые части продовольствием, спиртом, обмундированием и, конечно, боеприпасами. Слава этим людям!

С утра 14 декабря прибыла захваченная немецкая полуторка с нашими ранеными, расположившимися на ящиках с толовыми шашками, высланными по дну кузова, просто на них лежать теплее, чем на деревянном кузове. К сожалению, всех четырех тяжелораненых с проникающими ранениями брюшной полости, груди и оторванной ногой не довезли живыми. Их похоронили, отдав последние военные почести, на городском кладбище, рядом с другими погибшими бойцами нашего батальона. А 16 декабря в расположение батальона вышла оставшая часть роты Ледкова, а также прибыл караван грузовиков, захваченный взводом Киричёва. Филиппов все оприходовал на баланс батальона, приписав технику к ротам, кроме одного мотоцикла.

Глава 3. Высокая политика

По итогам трех диверсионных операций батальона и двух очень удачных радиопоисковых мероприятий я написал наградные представления на отличившихся, да собственно на всех участников данных групп, но разными рапортами, чтобы не сказали о том, что я весь батальон, по сути, подал на награждение. А так, тут взвод, там взвод, тут отделение и так далее – все проще подписать у начальства. Кстати, радиооборудование, найденное в результате поисковой операции в рамках РЭБ в подвале при штабе фронта, нам не отдали, передав его в распоряжение начальника связи фронта, ну и ладно, мы вот тоже автомобильный радиолокационный комплекс захватили. О судьбе пойманного Микуловым агента мне тоже ничего не было известно, посчитали не нужным доводить, сказав лишь, что все вражеское гнездо они накрыли и обезвредили.

В батальоне, по согласованию с Писановым и Малининым, была дополнительно введена рота РЭБ в составе двух взводов по 23 человека, включая двух командиров отделений и взводного, которую возглавил Киричѳв Дмитрий. Место ПНШ-6 занял его помощник старший сержант Китов Александр, являющийся по своей военной специальности чистым «засовцем» – шифровальщиком, с добавлением ему еще шести штатных единиц. В связи с этим, остальные подразделения сосредотачивались на своих основных обязанностях, частично передав необходимое оборудование новому подразделению.

Завертелась эпопея и с немецкими автомеханиками и радистами. Евгений объяснил мне свою идею, почему он не стал уничтожать немецких специалистов и, как он видел перспективу использования их в нашем батальонном хозяйстве. Весь начальствующий состав батальона под председательством Горяева, как главного носителя советской идеологии, совещался по этому поводу. Объяснив немцам, какие у них перспективы, кадровики сняли с них все, к сожалению, непроверенные анкетные данные. Точнее сказать, проводилась лишь косвенная проверка анкет, путем отдельной беседы с каждым из пленных о своих сослуживцах. После чего все это сравнивалось и давало некую дополнительную информацию о правдивости анкет, которыми в последующие дни занимались армейские особисты. Можно сказать, что немцы давали вполне правдивую информацию о себе, все-таки лучше быть в составе интернациональной бригады немецких коммунистов, стоять на довольствии и работать по своей профессии, чем гнить в лагерях. Горяев мотался к Лобачеву, консультировался, и, в итоге, после ряда подготовительных мероприятий к нам прибыла целая делегация – особисты 16-й армии во главе с Коньковым, Лобачев, приглашенные из Москвы корреспонденты газеты «Известия» Евгений Петров, к слову сказать, тот самый соавтор Ильфа о похождениях Остапа Бендера, Евгений Кригер, знакомая нам Мария Сагаева. С кинохроникой приехал фронтовой кинооператор Роман Кармен, будущий лауреат многих государственных премий, он был одним из многих, кто тогда снимал на фронте материалы для будущего фильма «Разгром немецких войск под Москвой». Все это делалось в рамках агитмероприятия о том, как немецкие трудящиеся борются с фашизмом.

«Алексей Андреевич, обратился я к Лобачеву, кивнув на немцев головой, – может не стоит перечислять в статье фамилии немцев, а то какой-нибудь ретивый гестаповец перевешает их родных, сейчас они хоть какие-то деньги за пленных получают, на что-то живут в своей Германии – оно надо немцев будоражить?»

«Возможно, возможно, я распоряжусь, действительно мало ли, что там гестапо взбредет в голову, а нам нужны преданные немцы», – согласился дивизионный комиссар Лобачев.

По сценарию политработников и газетчиков немцы отказывались от своего фашистского прошлого, принимали присягу будущей свободной социалистической Германии и клались все силы положить на ее освобождение от нацизма совместно с Красной армией. Все это копоше-

ние заняло дня четыре, и вместо того, чтобы германцы начали тягачами подвоз и ремонт техники с полей сражений, а также совместной работы с радистами, к передачам их пока никто допускать не собирался, а вот консультировать – самое то, немцы что-то заучивали и отписывались.

В общем, все эти фашисты были обычными работягами, сменившими место работы на заводе на армейскую ремчасть, молодыми парнями по 18-25 лет, включая лейтенанта Карла Мая, только бывший майор вермахта уже товарищ Отто Лабанд и гауптман, или по-нашему капитан, Гельмут Шён, были лет 35-37 от роду.

«О чем он говорит?» – спросил Лабанд у Самсонова, стоявшего неподалеку.

«Говорит о том, чтобы ваши фамилии не называли, да и лица особо не показывали, чтобы дома вашим семьям проблем не было от гестапо, – ответил Самсонов.

«Спасибо, герр Самсонов, а то я слышу слова «немцы, гестапо», сразу подумал, что о нас речь», – ответил Лабанд.

«Теперь вы должны называть товарищ или хотя бы по-вашему «kamerad Самсонов», – усмехнулся Алексей.

Я же с бойцами, Серегой Ледковым и Димой Киричёвым 17 декабря, загрузив мотоцикл в полупорку, отправились в Москву. Мотоцикл надо было отдать по назначению, как обещал, а парням нужно было оставить заявки сразу, если получится, выбить себе пополнение для своих подразделений.

Встретившись с Григорием, мы откатали мотоцикл к нему домой, еще я подарил ему немецкий бинокль. Также прошел вместе с ним к снабженцу, где за бинокль и «Вальтер Р38» тот дал команду подчиненным, и мне подготовили накладные на получение спецтехники для нового подразделения РЭБ: индикаторы поля, пеленгаторы ручные и стационарный сканирующие радиоприемники «Чайка», наборы слесарного инструмента, радиомонтажника, тестеры и так далее.

В военкомате мы оставили заявку на 16-ю армию для батальона №777. Однако, дежурный офицер вспомнил нас, как мы разбирались со школьниками. Поговорили с ним о фронте, он высказал досаду о том, что его не отпускают на фронт. Я сказал, что грамотные офицеры в нашем батальоне требуются, а лейтенанту всегда найдется должность. Он порывшись в своих учетных книгах сообщил, что, если мы приедем через день, то здесь будет сборная солянка из призывников, из которых будет формироваться бригада ополченцев, но которые еще не распределены, и мы можем попытаться счастья набрать себе «пиджаков», то есть гражданских.

Заехав на склад Разведуправления, увидели, что сегодня дежурит другой прапорщик, а вот подчиненный солдатик нас узнал. Без задержек получили выписанное имущество, пообщались, но сославшись на занятость, оставили им для поддержания боевого духа в складских дебрях флягу со спиртом, убыли в Сходню.

С раннего утра в назначенный день мы были у военкомата и нанесли себе почти сотню новобранцев, которыми также заполнили почти все тыловые подразделения батальона.

Приехав к обеду, я с «птичьей стаей», Ломовым, Бурятом, Малеевым, Лосевым, Филипповым и Евгением Киричёвым по распоряжению Заикина убыли в штаб армии. Немцы были там с самого утра.

С 13.00 началось торжественное мероприятие по образованию немецкого союзнического взвода, на котором они зачитали присягу новой Германии, им была вручена советская военная форма, звания им оставили прежние, только не вермахта, а народной армии Германии, но которые по статусу были ниже звания советского ефрейтора. В общем, политработники выкрутились достойно, и званий не лишили и статус определили, что они майоры только в своем взводе, а так обычные рядовые. Их сфотографировали, событие сняли на кинокамеру, у них брали интервью с переводчиками для центральной газеты – люди, точнее обычные военнопленные, неожиданно почувствовали себя причастными к большой политике. Как сказали

бы сейчас, корреспонденты газеты «Известия» получили право на эксклюзивные интервью и материалы.

После этого события нас построили, к нам подошел Заикин и, торжественно зачитав приказ о награждении, вручил нам медали «За отвагу» и денежные премиальные примерно по 40 рублей каждому, за пригнанную немецкую технику еще под Оршей. Кроме того мне на батальон выдали премиальные из расчета 500 рублей за пригнанный автомобиль и по 200 за мотоцикл, которые я передал ротным.

В батальоне немцев решил не отделять от коллектива, пусть отделения будут немецкие, но живут и работают вместе с нашими. Пресса убыла к фронту, а я также получил приказ передислоцировать батальон к Волоколамску, куда мы выдвинулись 20 декабря. А вечером 19 декабря в батальон пришли пешком Воробьев и Трофимов с десятком наших старых «полковых» пехотинцев, выписанных из госпиталя утром.

«Здорова, славяне!» – выдав с порога ставшее традиционным, несмотря на разные национальности бойцов, батальонное приветствие, появившийся Джек Воробей. Командиры, да и старые бойцы, собрались в нашем спортзале-столовой, встречая вновьприбывших, заодно, и знакомясь. Евгению мы вручили денежную премию и медаль «За отвагу», которую он также получил за бой под Оршей. Обмыли встречу, знакомство и вступление в должность уже в батальон нового командира роты разведки. Женя рассказывал о госпитале, наших медсестрах, теперь работающих в госпитале, Михаиле и тех раненых офицерах, с кем довелось лежать в больничном отделении. Поговорили и о делах батальона.

– Понял, командир, столько я пропустил великих дел, которые вы тут без меня совершили, поэтому буду срочно восстанавливать свою форму, чтобы ребят не подвести во вражеском тылу. Эх, хорошо было в госпитале, тепло, спишь себе, сколько сможешь, с медсестрами болтаешь, но тянет к вам, мужики, по настоящим делам соскучился.

Уже второй день узкими, занесенными снегом, проселочными дорогами двигался караван машин с оборудованием, запасным боезапасом и хозяйством, а за ним, вытянувшейся змеей, топала колонна солдат батальона, направляясь к городу Волоколамску. Впереди бежали лыжники-разведчики, сменяясь друг с другом на отдых в кузовах автомобилей. Все офицеры, за исключением Аташева и фельдшера, как достаточно пожилых уже людей, шли пешком. Давно уже рядом со мной шли Лабанд и Шен, расспрашивающие меня, а я их, о порядках и организации работ в нашей и немецкой армиях. Разговаривали мы по-немецки, причем я просил поправлять меня, если ошибаюсь в правильности произношения и объяснять, что я неправильно говорю. А вот немцев Самсонов учил, а наши механики тренировали говорить по-русски.

– Отто, техники у нас много, топливо для них нужно, да и запчасти лишними не будут, как думаешь, где можно достать бензовоз или хотя бы бензин, да и механическую мастерскую б неплохо было бы разграбить еще, по типу вашей.

Вмешался Гельмут Шен: «Камерад капитан, когда мы наступали на город Клин, то в городке Тераво была наша опорная база, мы ремонтировали там танки наши и советские, там же был и заправочный узел, возможно сейчас там тоже что-то осталось».

Я развернул карту, и мы стали искать на ней, где этот город Тераво, который оказался деревенькой Теряево, в общем, недалеко от деревни Чисмены.

«Воробьев, Киричев Евгений!» – заорал я, пытаюсь докричаться до командиров.

«Командир, не надо заглушать грузовики, тут мы», – откуда-то совсем рядом сзади послышался голос Евгения.

«Так, не пререкаться с командиром, бойцы – слухай сюды», – и, отойдя из колонны на обочину, я описал диспозицию, рассказанную Шеном.

– Задачу улавливаете?

– Улавливаем, выдвигаемся, значит, взводом Киричева на лыжах, я тоже пойду, надо, в общем, и мне идти.

– Хорошо, у тыловикиов взять все, что полагается, сроком на трое суток и радиста с собой берите, чтоб найти вас в лесах, если заблудитесь.

«Слушаюсь, командир!» – козырнул Воробьев и вместе с Киричевым убыл готовить взвод к марш-броску.

«Камерад капитан, разрешите и я пойду», – обратился ко мне молодой лейтенант Карл Май.

А вот это меня озадачило.

– Я не подведу и не предаю, камерад капитан, тем более я знаю, что если я убегу, то вы расстреляете моих сослуживцев, я хочу тоже участвовать в «деле».

Вот что делать, запретишь, немцы обособятся, мол, не доверяем, хотя и приняли в новую социалистическую армию Германии, разрешишь, а он сбежит и аха, с меня погоны снимут, однозначно.

Я обратился к Лабанду.

– Обращаюсь к тебе, как к командиру взвода, разрешишь ли ты Маю уйти в разведку?

Немец задумался: «Мы стали взводом армии новой Германии, поэтому считаю, что он честно выполнит свой долг».

– Товарищ лейтенант, получить у Киричева довольствие, оружие, пойдешь в составе группы. Самсонова тоже берите с собой. Через полчаса группа ушла на лыжах вперед, её путь лежал в район, расположенный немного севернее.

День клонился к закату, сумерки все настойчивее вступали в свои права, когда по обочине, обегая едущие навстречу тягачи, подкатил лыжник.

– Товарищ капитан, вам надо самому увидеть, а колонне может пора на привал устраиваться. Бурят просил затормозить колонну.

На что-то Бурят наткнулся, раз такое дело, что колонну ему тормозить потребовалось.

«Колонна! Привал, встаем на ночлег», – скомандовал я и, надев лыжи, рванул вслед за разведчиком.

Пройдя километра три, увидел десяток нашего авангарда с восседающим на перевернутом «Виллисе» Бурятом.

– Добытки, чего нашли, думаю, ради джипа вы меня дергать не стали бы.

«Командир, тут видать полковую кассу везли, вон сотрудники военно-полевого банка в машине сидят убитые, документы ведомости и вещмешки с деньгами, – проговорил Бурят, – почти как осенью».

«Так-с, товарищи, деньги, все деньги пойдут в фонд батальона на закупки дополнительного имущества, кстати, всем командирам вернем долг за оплату разгрузок и рюкзаков. Все мы сейчас считаем, сверяемся с ведомостями, и передаем Филиппову, пусть ведет учет расходов-доходов. По пути мы собирали документы всех встречаемых нами погибших советских солдат, чтобы не числились пропавшими без вести, поэтому все собирались сдать одной кучей. Машина была сильно повреждена: расстреляна из авиапулемета и на скорости въехавшая в дерево.

«Командир, решил не брать деньги?» – спросил Бурят.

«Нет, Ардан, этих красноармейцев я не знаю, да и зачем нам сейчас деньги, а вот на нужды батальона они очень пригодятся», – ответил я.

– Тоже верно, сейчас они нам не нужны.

На следующий день к обеду мы прибыли в Волоколамск, заняв одну из окраинных школ. Город бурлил, части, подразделения прибывали, выдвигались на передовую. Батальон обживал территорию школы, похожую на усадьбу какого-то помещика, налаживал централизованное батарейное отопление, идущее из пристройки – котельной, протапливая помещения печ-

ками-буржуйками. Радисты оборудовали себе рабочие места, разведчики осваивали самый большой класс под тренажерный зал, развешивая щиты для метания ножей, расставляя самодельные подобию гантель и штанг, механики осваивали пристройки под автомастерскую, в бывшей конюшне устанавливали электрогенераторы, закапывали металлические опоры и устанавливали небольшую кран-балку с лебедками. Территория школы, огороженная забором, была достаточно большой, чтобы вместить все наши автомашины.

С утра Горяевым было проведено заседание нашей партийной ячейки батальона, с участием в заседании комсорга Ивана Грачева, на которой были поставлены следующие вопросы по партийной линии:

- подготовка коммунистами батальона новых кандидатов в члены коммунистической партии с учетом их боевых заслуг и моральных принципов, и принятие достойных в партию;
- проведение политинформаций с обзором газет, сводки Совинформбюро и всякой разной «политнакачкой» рядового состава, которую возьмет на себя лично Горяев с привлечением командиров батальона, а точнее, меня и Недогарова, к выступлениям по отдельным темам;
- агитация и принятие в комсомол всех неохваченных бойцов, в основном это были сибиряки из далеких деревень, к слову говоря, я и не знал, что в то время не все молодые люди были комсомольцами;
- ведение политработы с немецким взводом и образованием там коммунистического актива, то есть надо было внушить командирам немцев, что самое время вступить в коммунистическую партию, причем СССР.

Это было поле деятельности Горяева, поэтому хоть и без энтузиазма принимал эту часть жизни батальона, но она была обязательно в это время. Скажем прямо, коммунисты, находящиеся на фронте в окопах, или принимаемые в нее бойцы действительно были достойные звания коммуниста люди. Лично я был назначен ответственным за агитацию о вступлении в партию всех своих командиров рот и взводов. Я был согласен с этим, поэтому когда мы собрались одни, без Горяева я по-простому сказал: «Товарищи командиры, кто не подаст заявление о приеме партию – набыю морду! А если серьезно, то в нашем случае, командный состав батальона должен стать партийным – это плюс всем будет, и Горяеву, и нам, и в будущем все это нам пригодится в гражданской жизни».

После объяснения плюсов этого членства, а также того, что сейчас это проще сделать, чем будет в мирной жизни, все написали заявления. После этого в каждом взводе прошли свои собрания, после чего бойцы сами поддержали своих лидеров, то есть бойцов, пользующихся авторитетом рядовых красноармейцев, которые также написали заявления.

Всеми ПНШ, командирами подразделений, в том числе и командиру немецкого взвода, вошедшего в подчинение Воронову, так же привлекаемому на такие «производственные» совещания, были уточнены или составлены ежедневные планы работ и учебы. Бюрократия – наше всё! Хотя в армии планы, циркуляры и инструкции, описывающие порядок действий, последовательность операций нужны. Те же поисковые мероприятия должны проводиться по четкой программе, с прописанной последовательностью операций. Просто нужно четко определять, что бюрократия должна помогать правильной организации процесса, а не существовать ради бумагомарания.

Наутро механики приступили к техобслуживанию всей нашей автотехники. У бойцов началась учеба. К вечеру прибыл Воробьев. Приехал он на четырех танках, трех бензовозах, паре колесных 9-тонных грузовиках «Форд», сделанных на бельгийских заводах компании. Каждый танк тянул на сцепке за собой еще по подбитому немецкому танку. Их поставили на ремонт в нашу автомастерскую.

Воробьев рассказал, что в Теряево они ничего не нашли, деревня была полностью пустая, везде трупы жителей, двинулись в сторону Волоколамска по проселочной дороге. Наткнулись на деревню или село Стеблево, которое было занято немцами. Разведчики, обойдя село по

лесу, взяли его в кольцо, а Май, переодевшись в найденную про пути форму немецкого оберлейтенанта, изображая отступающего немца, вошел в село, где был взят немецкими часовыми в плен. Выяснив, что это свой же, его отвели в избу, где собрались немецкие офицеры. Все было спокойно, никто из фрицев не начал бегать, значит, Май не переметнулся к своим бывшим. Когда совсем стемнело, один из охотников-сибиряков в маскхалате и Самсонов подобрались поближе к избе и залегли во дворе. В это же время была проведена смена часовых на въезде-выезде деревни и двух «секретов», сидящих рядом в лесу. Поэтому разведчики выяснили, сколько и где сидят часовые.

Потом на улице появился Май и стал жестикулировать, приглашая нас. Самсонов шепотом спросил, что он хочет. Немец объяснил, что офицеры пьют, не зная, что делать дальше, но из изб не хочется уходить и технику бросать, чтобы топтать пешком через леса, поэтому заняли оборону в селе, надеясь на то, что немцы снова отбросят русских к Москве. Их около роты: танковый взвод и тыловики из танковой дивизии под командованием генерала Штрауса армии Гудериана. Вчера сунулись к развилке на Волоколамск-Ярополец, но нарвались на русских и, потеряв четыре танка, отступили.

Разведчик уполз к нам, а немец зашел в избу.

Операция по очистке деревни Стеблево началась, вначале уничтожили секреты и часовых, потом заняв позиции возле танков, ручными пулеметами контролируя пару улиц, аккуратно вошли в избу и захватили сидящих за столом офицеров. А дальше началась зачистка домов, пришлось нам и пострелять, но убитых нет, восемь человек оказались ранены. Их отдали в епархию Тяпова.

Видя, как жестоко были убиты многие жители деревни, в плен никого не брали, оставив в живых только четырех водителей-механиков танков, чтобы доехать на нашу базу.

Немцам-танкистам Горяев зачитал обвинительный приговор, Самсонов перевел и за городом их расстреляли. А в курс подготовки разведчиков с Карлом Маем в качестве инструктора вошел курс вождения на танке, каждый должен был уметь водить танк, заряжать и готовить танк к стрельбе. Мы с ребятами, которые участвовали в осеннем рейде в Волоколамск, прошли по местам нашего рейда, вспомнили то время, постояли со снятыми шапками возле места, где были повешены комсомольцы диверсанты. Через несколько дней в Волоколамске Горяев принес «Известия», в которых прочитали заметку Евгения Петрова и Евгения Кригера, написанную в день освобождения города, как говорят «по горячим следам»: «Первое, что мы увидели в это хмурое зимнее утро на Солдатской улице, была виселица. Толстое бревно одним концом было прибито к опутанному проводами телеграфному столбу, другим концом к двум березам. Те, кто был повешен немцами 5 ноября, лежали на снегу с веревками на шеях, их сняли первые же бойцы Красной армии, вошедшие в город. Женщина, неподвижно стоявшая над телами погибших, сказала: «Их допрашивали в моем доме. Вот этот, высокий – их старший, он все время молчал. Их сначала расстреляли, а потом повесили. В него стреляли шесть раз, и он все не падал. А эта девушка, совсем молоденькая, на допросе сказала: «Я ничего не скажу. Я люблю свою Родину и умру за нее». Кинооператор Роман Кармен на кинокамеру задокументировал это преступление фашистов.

Но наша работа продолжалась. Взвод РЭБ мотался по полкам 16-й армии, проводя мероприятия и повышая свои профессиональные навыки, красноармейцы учились этому новому для себя виду противодействия врагу – тайной, невидимой глазу человека войне. Хотя в этих поисковых операциях РЭБ ничего не было найдено из вражеских «жучков», но в этом был и положительный результат – немцы не наладили в данных командных пунктах такой съем информации, что радовало.

Интересные моменты наши радисты стали реализовывать с подключением, как консультантов, к делу немецких радистов. С целью введения летчиков немецких самолетов в заблуждение о своем месте нахождения, что приводило к потере ориентировки в небе и срыву выхода

их бомбардировщиков или штурмовиков в заданный район, наш батальон стал применять ретрансляционные радиопомехи, подменяя советскими радиостанциями настоящие немецкие сопровождающие радиостанции. Так, например, первый и пока единственный раз наш радиоприемный центр принимал передачи приводной немецкой радиостанции, а две наши станции помех, находящиеся одна в районе Тулы, а другая в районе Клина, эти передачи ретранслировали. Это привело к тому, что немецкие самолеты ушли с заданного курса на Москву. По этим мероприятиям мы часто взаимодействовали с 490-м отдельным радиодивизионом, боевые задачи которого были сфокусированы на определении аэродромов базирования бомбардировщиков и планов их воздушных ударов. Информация от 490-го дивизиона поступала непосредственно в Ставку Верховного Главнокомандования и послужила основой успешных действий советской ПВО. Мы же были заточены на информирование руководства армии и фронта.

Для этого была проведено несколько совещаний на уровне фронта, чтобы организационно и технически скоординировать эти действия. Кроме того, ребята набивали руку по наведению помех на передающие немецкие радиостанции, в итоге немецким радистам приходилось повторять передачу радиogramм, бывало, что передавали до двадцати раз одну и ту же радиogramму. За полмесяца работы для радиодивизиона радистом Сергеем Кимом был установлен своеобразный рекорд – за смену он сорвал 40 передач радиogramм врага. Немецкие радисты нашего взвода передали секретные коды для кодирования шифrogramм соответствующим подразделениям фронта и нам, естественно.

Также из Москвы мы получили Руководства и Наставления по организации связи, рекомендовавшие с целью радиомаскировки соблюдать меры скрытности и ограничивать применение радиосредств, особенно до начала операций. Все они были выработаны на основе опыта первых месяцев войны. Эти меры повысили эффективность противодействия радиоразведке противника.

Еще порадовали наши радисты тем, что несколько раз были запеленгованы немецкие радиостанции, работающие в советском тылу в прифронтовой полосе. По тревоге поднималось несколько отделений разведчиков первой роты для точечного прочесывания предполагаемых мест, откуда велись передачи, произошедших в течение пары недель. В течение десяти дней из восьми, выявленных нашими радистами случаев, когда предполагалось, что вражеская радиостанция работает в нашем тылу, разведчики-следопыты дважды смогли выследить и задержать немецких радистов, которых мы передавали в контрразведку армии.

Бойцы второй роты и роты глубинной разведки ходили за линию фронта, устраивая отстрел офицеров и различные диверсии путем минирования и подрывов техники, железнодорожного полотна и других объектов военного назначения. Всё, что было посерьезней – фотографировалось, потом ротные фотографы, вначале под руководством Савенко, а далее самостоятельно, проявляли пленку и печатали фотографии, создавая боевой архив. В эти же дни к нам в часть подошли двое мужичков, своим видом напоминающих интеллигенцию в очень тяжелом финансовом положении, и попросились записать их в часть.

Часовой, вызвав начальника дежурной смены, передал ему визитеров, а сам продолжил свое дежурство.

«Кто такие и чего вы хотите?» – задал вопрос сержант.

Мужички представились артистами Волоколамской театральной студии при доме железнодорожников и выразили желание записаться в армию для борьбы с врагом.

– Хлипкие вы, товарищи, у нас тяжело будет.

– Мы знаем, что вы разведчасть, и у вас большие требования к кандидатам, но мы тоже хотели бы помочь нашим.

В это время я возвратился из штаба армии, и застал этот разговор.

«Здравия желаю, товарищ капитан, – приветствовал меня старший караула, и добавил уже для мужичков, – вот наш товарищ командир, обратитесь к нему, может быть и найдет для вас дело».

Я повторил вопросы сержанта, касающиеся того, кто они такие вообще.

– Артисты, говорите, куда б вас тогда бы пристроить, товарищи артисты.

– Вообще-то мы не совсем артисты. Мы обслуживающий персонал, гримеры мы, но иногда и к ролям привлекались в эпизодах.

– Гри-и-имеры, а есть у вас инвентарь по профилю вашему?

– С собой нет, но кое-что есть дома, а кое-что должно остаться в кладовке в доме культуры.

– Сержант, организуй-ка, пожалуйста, дежурную машину.

Водитель, я и оба мужичка сели в нее, и мы поехали, для начала, в дом культуры. По пути мужики рассказали, что они отец и сын работали в театре, с подходом немцев театр закрылся, они с другими горожанами рыли окопы перед городом, потом перебивались случайными заработками, типа разгрузи-принеси, в том числе и на немцев. Вначале считали, что не дело интеллигенции в окопах сидеть, но насмотревшись на оккупантов, изменили свое мнение и твердо решили вступить в ряды Красной армии.

В доме культуры располагался штаб с сопутствующими службами танкового полка. Я договорился о пропуске нас в помещение кладовки и изъятии специнвентаря. Там мы увидели лежащие в запустении парики, старые наряды, камзолы, какие-то канделябры с подсвечниками, атласные шторы и прочего театрального реквизита. Я отправил водителя за полуторкой и десятком бойцов, чтобы быстро вывезти это к нам. Отдельно стояла косметика от «Dior» в советском исполнении, то есть кулечки с мелом, сурьмой, какими-то красителями, накладками на волосы и лицо.

– Что дома у вас?

– Более цивильное, и все то, что смогли сохранить в чистоте: наборы парикмахерского и макияжного инструмента, вкладыши в нос, рот, накладки на руки, парики, которые получше, тональные мази и крема.

– Вас проверят наши кадры, всю ли вы о себе правду сказали, после чего будете зачислены в батальон или переданы в комендатуру.

Через два дня отец Митрофан Иванович и сын Василий Перовы были зачислены рядовыми в батальон под руку Конышева. А на следующий день начались двухчасовые занятия с группами бойцов по гримированию, одна группа заканчивала занятия и на урок приходила следующая. В состав занятия входила теоретическая часть и условно практическая из-за необходимости беречь материалы. Филиппову поручалось где угодно, хоть в Большом театре, достать инвентарь по списку, выданному старшим Перовым. Вася больше вел практические занятия, а отец его результат.

Все командиры также ходили на эти лекции, сидели и слушали о приемах гримирования. Митрофан Иванович смог увлечь своим рассказом и показом, и все мы сидели, раскрыв рты. Действительно, человек был энтузиастом своего дела, рассказывал и тут же показывал это на Василии.

– Гримирование – это искусство изменять внешность. Характер грима зависит жанра и стиля роли, костюмов и световой партитуры, а также физических данных актера и его пластической трактовки образа. Но помните о том, что основа грима человека – это смена вашего выражения лица и привычек: походки – вы ходите ровно, так ссутультесь или легко прихрамывайте; вас привыкли видеть в очках, а вы идите без очков, делаете стильную прическу – взъерошьте волосы и так далее.

Я вспомнил случай из своей прошлой службы, когда мой начальник, как-то пожаловался, что «снял очки и меня никто не узнает в коридоре, я здороваюсь с людьми, а на меня смотрят, как непонятно на кого».

Лектор продолжал.

– В самом общем виде типы грима можно разделить на «реалистический» и «условный». Наша задача, товарищи бойцы, будет в кратчайшие сроки научиться реалистичному гриму, чтобы на коленках вы смогли изменить себя. Главная цель реалистического грима – достижение высокой степени жизни-подобия изображаемого персонажа, то есть гримировать надо не только лицо, но и все открытые участки тела, в первую очередь – руки и область декольте. Скажем, когда молодая актриса играет возрастную роль, то гладкая, без морщин шея может разрушить правдоподобие образа. Например, если вы загримировали лицо под негра, но будете с белыми руками или шеей – вы провалитесь.

Краски меняют лицо актера живописными приемами, но сильного изменения формы лица добиваются с помощью разнообразных наклеек, как плоских, так и объемных. Например, сделать курносый нос или азиатский разрез глаз можно с помощью специального пластира. Увеличение носа, изготовление шрамов производят с помощью специальной пластической массы, так называемого гуммоза, из которого лепят нужные детали, прикрепляют их с помощью театрального клея, а потом уже маскируют гримировальными красками. А также важнейшим средством грима являются различные постижерные изделия (парики, усы, бороды, шиньоны и другие волосные накладные и наклейки). Они изготавливаются как из настоящих, так и искусственных волос и широко применяются во всех видах грима.

Существуют два основных технических приема гримирования: живописный и скульптурно-объемный.

1. Живописный прием выполняют, используя гримировальные краски, так же, как пишет свои произведения художник, соблюдая те же принципы, что и в живописи.

2. Скульптурно-объемный прием грима отличается от живописного тем, что в нем используют кроме красок вставки, накладки, наклейки, аппликации, подтяжки, постижерные изделия. В выполнении его много общего с работой над скульптурой по передаче объемной формы. Используя скульптурно-объемный прием грима, можно изменить лицо до полной неузнаваемости, чего нельзя сделать в живописном приеме. В скульптурно-объемном приеме используют разнообразные материалы: вату, папье-маше, кожу, пробку, пластические детали, постижерные изделия.

Теперь переходим к технике грима. Вы, товарищи бойцы, узнав основы грима, так сказать фундамент, сами выработаете свои правила гримировки применительно только к своему лицу, к своей индивидуальности.

Работаете вы не в кабинете и, как такового рабочего места у вас не будет, поэтому с рабочим местом у вас, как получится, но надо запомнить такую последовательность грима – протирание лица, наложение общего тона и румян, подводка деталей лица, бровей, глаз, губ, носа. Если в гриме применяют так называемую растительность – усы, бороду, бакенбарды, брови, то те места, на которые они будут наклеиваться, вазелином или общим тоном не покрываются. Клеят растительность после окончания гримирования. Это делается для того, чтобы не запачкать волосы гримом, пудрой и не испортить формы. Все наклейки из гуммоза, ваты, поролон, а также пластические детали клеят на сухо вытертую кожу перед началом гримирования. Чтобы наклейка лучше держалась, кожу лица припудривают или промазывают гримировальным клеем.

Тут надо понять, что с одной стороны удачный грим – это только индивидуальный подход, имеющий бесконечное разнообразие своих конкретных проявлений, и в тоже время это природный закон. Попытаюсь объяснить это на примере: «Круг, проведенный на щеке касательно носа, глаза, уха» и растушеванный к центру щеки, создает впечатление толстой щеки, – это

закон, так как всегда шарообразный объем, переданный по закону светотени, будет создавать иллюзию выпуклой щеки. Но это вовсе не значит, что всякую толстую щеку следует передавать указанным приемом. Ведь толстая щека также может иметь самые разнообразные характерные формы: она может быть толстой, обрюзгой, со складками. Закон светотени останется, как и останутся в силе приемы тушевки шарообразной формы. А вот само построение изменится совершенно, и никакого «круга, касательного носа, глаза, уха» уже не будет, а будет растушеванная черта «под складку». Таким образом, каждый прием в гриме должен найти свое особое решение для выполнения конкретной творческой задачи, с учетом анатомических особенностей вашего лица и имеющихся материалов. Следовательно, изучая приемы грима, мы должны не механически запомнить тот или иной прием, а понять закон построения лица и возможности его изменения.

Особое внимание уделите, как это будет выглядеть на свету – если грим будет казаться неестественным – вы провалитесь. Свет, падая на любое непрозрачное тело, частью отражается от него, частью поглощается им. Белая поверхность отражает в равной мере все падающие на нее лучи. Поэтому, если осветить белую поверхность белым светом, она будет казаться белой. Если же белую поверхность осветить красным светом, она будет казаться красной, так как никакого другого света, кроме падающего на него красного, она не отражает. Цветная поверхность отражает падающий на нее луч не в одинаковой мере. Например, зеленая поверхность при освещении белым светом отразит лишь однородные световые потоки различных зеленых оттенков и поглотит все остальные. Если же зеленую поверхность осветить красным светом, то от поверхности вообще ничего не отразится, так как зеленая поверхность красный свет поглощает. Зеленая поверхность, освещаемая красным светом, будет казаться черной. Подобные же изменения происходят и с гримом на человеке при дневном и ламповом освещении.

Теперь подробнее рассмотрим практические приемы. Женский парик надевают после окончания гримирования, чтобы рукой при гримировании не помять прически. Мужские парики со лбом надевают до гримирования, чтобы наклеить шифоновую ленту и замаскировать рубец перехода от искусственного лба к естественному. Прически из естественных волос делают в два этапа: перед гримированием завивают волосы и закалывают их шпильками, для того чтобы они остыли, а после гримирования укладывают в прическу. Если прическа требует густых волос, то используют накладные элементы: шиньоны, косы, локоны. Одежду надевают через ноги, если такой возможности нет, то через голову, а лицо на этот момент покрывают куском тонкого шелка и аккуратно продевают в отверстие ворота. Это делается для того, чтобы материя костюма, скользила по шелку и предохраняла от гримировальных красок. Снимают костюм сразу после окончания спектакля. Затем снимают парик, различные постижерные изделия, разгримировываются, используя крем. Грим будет только тогда удачен, когда соблюдена полная гармония между всеми компонентами.

Для учебного использования у нас в батальоне было мало клея и красок, но вот одевание париков, шиньонов, как управляться со шпильками, закалывая волосы, движения пальцами при нанесении грима, установка накладок и вставок для утолщения носа и щек – все это нам показывали теперь уже красноармейцы Перовы. Но сначала тренировали самое простое по изменению внешности, и на что требовалось обратить при этом внимание.

Занятия у нас вели еще и... немецкие офицеры. Занятия они вели по очереди, но в основном это был Лабанд. Он учил нас быть немцами: как одеваются разные немцы, как ведут в магазинах, разговаривая с продавцами, выбирая одежду, какие дают чаевые и когда, как разговаривают с прислугой или с представителями органов власти, как общаются эсэсовцы и с эсэсовцами, подчиненные с начальством, как общаются с дамами, как курят, пьют и что пьют, что обычно едят на завтрак, обед, ужин и, как едят. Мы не изучали правила этикета, мы изучали, как это принято у немцев. Обыгрывали эти ситуации на занятиях, а немцы смотрели со стороны и указывали на ошибки. Кстати, выяснили, что в Австрии и Германии не принято

звать официанта, как это делают в России, крича на весь зал «официант». Достаточно лишь немного поднять руку, чтобы дать понять кельнеру, что требуются его услуги. Они работают по принципу «профессионал все увидит» и, если будешь орать на весь зал, то тебя обслуживающий официант, даже лишаясь чаевых, может передать другому официанту, как невоспитанного клиента, мол «я с деревней не работаю».

Фронт несколько застыл на месте, ни у кого не хватало сил нанести решающий удар, да и некоторые дни были с такой холоднучей и снежной погодой, что техника не заводилась, потому что замерзали технические смазки и масла, подшипники в автомобилях, танках, самолетах. Нашим шоферам приходилось эти части на машинах отогревать горелками.

Глава 4. Мой первый Новый год. Вербовка агента

Наступал новый 1942 год. Здесь я уже полгода, пообтерся, начальство узнает, но, главное, это то, что подобрался в нашей части крепкий коллектив, дающий возможность исправно функционировать всему организму нашего батальона и приносить реальную пользу фронту. Командирам подразделений батальона было рассказано о находке денежных средств, поэтому к Новому году были опрошены все бойцы батальона на предмет их семейного положения, у кого в каких условиях живет семья и от имени батальона были направлены денежные переводы, также премировали бойцов. Механики и водители, кстати, получали неплохие премиальные за восстановленную или притащенную на буксире технику. Немцев так же премировали деньгами к основному окладу по ставке рядовых, но они и работали по-немецки аккуратно и обстоятельно. Числа 30-го на утреннем построении батальона я вручил Карлу Маю советскую награду – медаль «За отвагу». Оказалось, что это вообще первая и единственная медаль в их взводе. Многим бойцам, техникам и тыловикам были объявлены благодарности с занесением в личное дело, несколько человек получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В Стеблево ребята захватили немецких продуктов, которых нам не выдавали никогда – кофе, шоколад, пару бутылок французского коньяка «Мартель», а также обычные продукты: крупы, консервы, сигареты. Все экзотические товары пошли в фонд батальона для различных представительских нужд.

В последний день 1941 года меня, Недогарова и Горяева вызвали в штаб армии для торжественной встречи Нового года.

– Ну что мужики, получается, что сегодня вы без нас встречаете Новый год, а мы теперь увидимся аж в следующем году.

– Ничего командир, вы там тоже держитесь!

Все посмеялись, хотя мне было комфортнее побыть в кругу однополчан, чем там, где соберутся командиры различных рангов, и все в итоге разобьются по знакомым группкам. Вооружившись десятком плиток шоколада, парой двухсот пятидесяти граммовых пакетов зернового кофе «das ist Arabica» и бутылкой «Мартеля» при параде на «джипе» убыли в центр города в штаб армии.

Приехав часам к четырем в штаб армии, располагающийся в здании горкома, в котором осенью мы заминировали пару комнат и подорвали их вместе с фашистскими генералами, мы окунулись в предпраздничную суету. В этом же здании располагались и основные тыловые подразделения армии. Женский коллектив финчасти и кадровой службы шуршал по украшению зала и своих кабинетов вырезанными из бумаги звездочками и игрушками. В зале уже стояла наряженная елочка. Направившись вначале в кадры, мы торжественно поздравили коллектив с наступающим Новым Годом и вручили девушкам во главе с невозмутимым пожилым майором начальником службы пять шоколадок и пакет с кофе. Шоколад вряд ли, а вот кофе и для них был редкость. Получив порцию благодарностей, отправились на поиски финчасти. Здесь мы задержались немного подольше, потому что тут нас озадачили участием в концерте от нашего батальона, и никакие отговорки, что мы не умеем, их не убедили.

«В общем, Александр, ты у нас самый разговорчивый, так интересно рассказывал, когда сидели у вечернего костра, так что тебе и отдуваться», – порадовал меня Горяев.

«Реально Сань, ну у тебя лучше всего получится», – поддержал его Вадим.

«Ладно, изобразим что-нибудь», – ответил я словами Попандопуло из «Свадьба в Малиновке». Я решил рассказать несколько нейтральных, в том числе военных, анекдотов, адаптировав их к царской России, какой-нибудь юмористический монолог из репертуара современных мне артистов, например Винокура или Задорнова, и спеть песню, которая мне очень

понравилась в свое время. Правда играть я не умел, и голосом не обладал, хорошо хоть музыкальный слух имелся, но в стиле Бернеса или Трошина, который так замечательно спел песню «С чего начинается Родина», вполне смогу. Выяснив у Натальи, где находятся армейские музыканты, подошел к ним и, рассказав, чего я от них хочу, попросил подобрать мелодию под мою песню. Я тихо напевал ее, а ребята подыгрывали и достаточно быстро ее подобрали. Потом я стоял, уединившись в конце коридора, вспоминая мысленно то, что я мог бы рассказать на вечеру, и так же тихо, бурча себе под нос, репетировал номера.

По коридорам сновали повара или их помощники, принося готовые блюда и сервируя столы. А в 18.00 нас пригласили в небольшой зал на банкет. Разнообразием столы не баловали, но все выглядело очень аппетитно: свежесдобитый хлебушек, картошечка жареная и вареная, капуста квашеная, соленые грибочки с огурчиками, мясные отбивные, салаты, напоминающие сельдь под шубой, морковные и свекольные, и государственная водка. В зале собрались только командный состав и начальники служб. Рядовые сотрудники отмечали в своих коллективах, а вот концерт и танцы должны были быть общими. Мы расположились в дальнем краю от командарма и его ближайших помощников. Когда все расселись и наполнили тарелки и рюмки, началось обычное «протокольное» мероприятие. Говорились тосты о наших успехах, о будущей победе, Горяев задвинул пламенную речь закончившуюся тостом за нашу Победу. Народ соловел, поднимая тосты и выпивая рюмки с водкой, раскрепощался, уже пошли обычные мужские разговоры о боях, женщинах, об оружии, в общем, обо всем том, о чем разговаривают подвыпившие мужики на празднике. Горяев убежал к своим политическим соратникам, а мы с Вадимом вышли прогуляться по коридору. Честно говоря, я от души наелся, немного подокосел от выпитого, мне совершенно не хотелось выступать, а хотелось просто сохранить это празднично-спокойное настроение, когда не надо никуда бежать, стрелять, мерзнуть где-то в лесу. Все это так напомнило мне мою прошлую жизнь. Встретил девушек из бухгалтерии, они затасили меня в свой кабинет и я по очереди выпил на брудершафт со всем отделом налитую мне рюмку водки, лишь пригубляя ее, чтоб хватило на всех девчонок. Какая, на хрен, война – тут так хорошо и мирно. Легко беседовали, весело смеялись над простенькими шутками друг друга, чуть флиртуя со всеми сразу.

«А кто от вашего батальона будет показывать номер?» – спрашивала Лена Кириченко, мило улыбаясь.

– Я буду показывать.

– «А что ты будешь показывать, то есть с чем ты будешь выступать?» – хихикали девушки.

– Девушки, это великая тайна, что я вам покажу, и не пытайте меня, а то я в окружении такой красоты совсем забуду про свое выступление.

«Александр, хватит охмурять моих сотрудниц, в зале уже собираются тянуть жребий, когда кто выступает», – сообщила мне Алевтина.

Вернувшись в зал, я подошел к нашим, и Вадим порадовал меня, что я буду выступать последним из 10 участников. Все перешли в актовый зал, где стояла наряженная елка. Армейский ансамбль настраивал инструменты. Зал заполнялся народом, кто-то заносил стулья, кто-то просто стоял, прислонившись к стенке.

Когда в зал набилось человек 120, ведущая концерта начальник финслужбы Алевтина Вениаминовна объявила первый номер. В основном, народ пел одну-две песни, один майор очень здорово танцевал «цыганочку с выходом», один пожилой полковник от штаба армии продекларировал стих Лермонтова «Бородино», читал мощно, так что народ прониклись той энергией, которая заложена в это стихотворение. Все мы им от души аплодировали.

– А сейчас наш новогодний концерт завершит командир отдельного диверсионного батальона Александр Кольцов.

Колени предательски задрожали: «Соберись, ты ж не один раз выступал с докладами перед командирами различного уровня, давай вперед и не бойся», – напутствовал я сам себя.

– Дорогие товарищи, я исполню песню под названием «Одинокая ветка сирени», музыка и слова Залкина Валерия – обычного советского юноши.

Заиграли музыканты, и я исполнил эту душевную лиричную песню.

Народ тихо слушал песню, слова которой многим присутствующим навевали какие-то свои личные воспоминания, наполняя память кусочками довоенной жизни, а я просто от души ее пел.

Дождавшись, когда мне закончили аплодировать, я продолжил выступление: «А теперь я хотел бы рассказать несколько шуточных историй и даже анекдотов, которые переключаются с ситуациями из нашей обычной жизни». Сам лично, когда я первый раз слушал эти номера или анекдоты я смеялся, потому что мне было по-настоящему смешно. Я начал рассказ: «Вот представьте себе безобидного человека, который в какой-то степени не от мира сего, и ему надо выкрутиться из возникшей в его жизни бытовой ситуации...»

И я рассказал пародию В.Петросяна в стиле монолога о «Студенте кулинарного техникума» на Г.Хазанова. Народ смеялся над ситуациями, которые решал герой и чем для него это закончилось. Потом рассказал несколько армейских анекдотов, и закончил тоже армейской классикой: «Полковник – майору: – Завтра в 9.00 произойдет солнечное затмение, что случается не каждый день. Всех построить во дворе, а солдатам при себе иметь закопченные стекла. Если будет дождь, то всех собрать в гимнастическом зале.

Майор – капитану: – По приказанию полковника завтра в 9.00 произойдет затмение солнца, в случае дождя вы его не увидите, и затмение состоится в гимнастическом зале, что случается не каждый день, но для чего иметь с собой закопченные стекла.

Капитан – лейтенанту: – По приказу полковника завтра в 9.00 в гимнастическом зале состоится торжественное затмение солнца, для чего закоптить стекла. Если потребует дождь, полковник даст особый приказ, что случается не каждый день.

Лейтенант – сержанту: – Завтра в 9.00 полковник затмит солнце в гимнастическом зале при закопченных стеклах, что случается не каждый день в ясную погоду, когда идет дождь.

Сержант – солдату: – Завтра в 9.00 состоится затмение полковника по случаю солнца. Если в гимнастическом зале будет идти дождь, что случается не каждый день, вас всех соберут во дворе, но каждому закоптить по одному стеклу в спортзале.

Солдат – солдату: – Слушай, завтра, когда мы будем коптить окна в гимнастическом зале, случится дождь и солнце затмит полковника».

Народ смеялся до слез. А мне было приятно, что я не ударил лицом в салат, а рассказал новые для того времени шутки. Потом мы немного прогулялись под Луной по морозу с Натальей и двумя ее подругами с отдела, когда я провожал их к дому, в котором они снимали комнату.

А с первого дня нового 1942 года началась обычная военная жизнь, единственно, что люди работали и тренировались в этот день без фанатизма.

Московская наступательная операция завершилась в первых числах января. Советские войска нанесли поражение войскам группы армии «Центр» и отбросили их на 100-250 км от Москвы.

В длительных оборонительных сражениях, а затем в контрнаступлении войска 16-й армии понесли большие потери. Согласно «Справке о потерях личного состава в частях 16-й армии», доведенной до командиров полков и дивизий, входящих в армию, за декабрь 1941 года потери составили больше 20000 убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

На следующий день я с Ледковым и Бурятом на нашем немецком джипе, и Филиппов на полторке, выехали в район города Руза, где предстояло оценить возможность заброски группы в город. Кроме того я хотел, сделав крюк, заехать на наш аэродром в Кубинку, чтобы повидать летчиков и набрать у них старых парашютов, из которых мы планировали пошить белые маскаридки, так как в выданные нам маскхалаты можно было одеть лишь полторы роты, а

нужно было одеть три. Мы спокойно катили по проселочной дороге, накатанной грузовиками со снарядами, продуктами, которые подвозились на передний край к реке Руза, по границе которой наши и немцы плотно удерживали свои позиции. Километра через четыре, судя по карте, должно было начинаться Рузское водохранилище. Мы спорили, где лучше трем группам по 10 человек перейти линию фронта: подъехать на машинах ближе к Рузе и пытаться перейти насыщенную линию обороны или по лесам ближе к Волоколамску, а затем топтать по лесу лишних 70 километров, но зато там была более разреженная оборона противника. В пользу реки говорило то, что отсюда проще и в Можайск нанести визит, перерезав при этом дорогу Шаховская – Можайск.

Вдруг впереди стали слышны редкие выстрелы, доносящиеся из лесу, и, где-то через километр, мы увидели стоящие на дороге две полуторки и тентованный армейский «Willys MB». Выскочив из своих машин и рассредоточившись за деревьями вокруг стоячих машин, я подобрался к внедорожнику и заглянул внутрь. Водитель был убит выстрелом в голову, а на заднем сидении один был убитый, а второй пассажир подавал признаки жизни. Открыв дверь и вытащив на дорогу убитого, я подсел к раненому, пытаюсь определить, что с ним такое. Похоже, что прострелена грудь, причем стреляли в открытую дверь, потому что окна были целы.

Анализируя ситуацию, можно было сделать однозначный вывод – машина остановилась, к пассажирам и водителю спокойно подошли, открыли двери и расстреляли. Неужели, тут солдаты «Бранденбурга» орудуют, или обычные немецкие разведчики, или уголовники, переодетые в нашу форму? Судя по цвету кубиков на кителе, раненый был интендантом. Он открыл глаза и сфокусировал взгляд на мне.

Я расстегнул ему полшубок, китель, и надрезал гимнастерку с нижним бельем. Увидев пулевые раны в районе легких и сердца, просто бинтами из своего индивидуального пакета заткнул их, чтобы перекрыть доступ воздуха в легкие и приостановить течение крови.

«Кто вы?» – прошептал раненый.

– Командир батальона Кольцов, кто на вас напал?

– Я командир службы тыла 337 полка, мы с начфином везли деньги и в полуторке крупы и тушенку для полка, – он шептал, задыхаясь, – нас остановили трое командиров в советской форме, говорящие по-русски и, подойдя к машине, открыли двери и сразу начали стрелять. Деньги забрали, и я не знаю, что с полуторкой. Но мы минут 10 назад обогнали остановившуюся машину с красноармейцами, которые отставали от нас примерно на километр. Я видел, как они бросились за бандитами в лес.

«Сейчас вас повезут в госпиталь. – я начал отдавать команды. – Филиппов, садись в «Виллис» и в 85-й армейский госпиталь вези интенданта, к нему ближе всего отсюда, а мы уж тут».

Нужно сказать, что наша батальонная санчасть тоже работала, не покладая рук. Тяпов, Потапов, Черепов оказывали всевозможную помощь раненым средней тяжести, которых к нам направлял находящийся в городе армейский госпиталь, задыхающийся от наплыва раненых, либо бойцы, везущие мимо нас раненых, напрямую завозили их к нам. Кроме того, мы брались лечить гнойные раны и расстройства кишечника с помощью синего йода. Под это дело наши медработники оборудовали три больших комнаты усадьбы, сделав из них операционную и палаты. Но в данном случае ближе было к 85-му.

– Ну, что мужики, расклад такой: враг в нашей форме, хорошо говорит по-русски, предположительно трое, взяли полковую кассу с зарплатой бойцам, что везли в полк, правда деньги придется сдавать, свидетель есть. Их преследуют примерно два отделения красноармейцев со второго грузовика, подъехавшего минут через десять.

Я, Бурят и Сергей Ледков двинулись вдогонку красноармейцам. Пройдя метров 300 по лесу, Бурят заявил: «Кругами водят, однако. Слышишь, где стреляют уже, погоня не в центр леса, а на юг сместилась. Думаю, немцы в лесу хорошо «ходят» – егеря, кто-то отвлекает бой-

цов, постреливая, а остальные обойдут и во фланг отстреливают всех. Что там двадцать человек против охотника в лесу – всех положит».

Ориентируясь на периодические выстрелы, мы стали обходить погоню южнее и ближе к шоссе. Вероятно, немцы или бандиты хотели, сделав круг, вернуться к добыче. Участились выстрелы из пистолета и немецкого карабина, причем, явно смещающиеся к нам. Мы растянулись цепью и я, пройдя еще с полкилометра, впереди между деревьями и заснеженными кустарниками, заметил смазанное движение. Приглядевшись, я разглядел крадущегося человека в белом маскхалате, то пропадающего за стволами, то появляющегося снова. В нашу сторону кто-то ломился, и через минуту другую на него выскочили трое красноармейцев. Отвлечшись на них, я потерял немца. Раздалось три пистолетных выстрела, и, похоже, они даже не поняли, откуда были убиты. Я замер за густым белым от хлопьев снега кустарником, снова пытаюсь увидеть движение.

«Вот ты где, не уйдешь, сволочь», – подумал я, целясь в силуэт и, пока он не исчез снова, нажал на спусковой крючок два раза. Враг вздрогнул и осел на землю. Так же медленно, осматриваясь и слушая лес, я подбирался к нему. Впереди раздалось еще пара пистолетных выстрелов и крик человека, которому очень больно. Подбравшись к лежащему человеку, я проверил его пульс, которого уже не было. На всякий пожарный поднял ему веко и, увидев, что зрачок не среагировал на свет, забрал пистолет и прислушался снова.

Двигаясь дальше, услышал где-то впереди меня выстрел. Появился Ледков, знаками показав мне: «Бурят положил одного». Я ответил так же знаком, что еще один труп лежит сзади. Впереди раздавались совсем редкие выстрелы винтовок, и пару раз в ответ выстрелил «Вальтер». Винтовочных выстрелов больше не было слышно, никто не ломился по лесу, значит, закончились красноармейцы – обычные крестьянские парни, призванные в армию, нашли покой в этом лесу. Продвигаясь вперед, я услышал выстрелы из «Вальтера». В ответ раздалось ответные хлопки – это кто-то из наших палит. Вот ближе начал стрелять еще один стрелок – это Ледков, на меня гонят, что ли? Я замер, встав за стволом дерева. Рядом со мной начинались кусты какого-то растения. Из-за кустов появился силуэт в белом и, перебегая между деревьями, стал приближаться к моим кустам. Он выстрелил, очевидно, кого-то увидел вдали между деревьями, и, отступая, практически подошел к моей засаде. В момент, когда его внимание было направлено на загонщиков, я резко выскочил из-за дерева, сбил его с ног и нанес ошеломляющий удар по лицу. После чего с помощью его же пистолета взял на болевой прием палец, лежащий на спусковом крючке, одновременно переведя оружие на предохранитель, заломал руку назад и аккуратно вынул оружие из расслабленной руки, при этом контролируя вторую руку, а то еще ткнет меня ножом. Дальше подбежали наши ребята.

– Молодцы, красиво выгнали его на меня.

«Я не ошибся в тебе – ты стоял именно там, где должен был быть, а не суетился, как эти красноармейцы. Услышав твои выстрелы, понял, где ты находишься и просто отгонял его на тебя, командир. Очень хотелось его живым взять, а то бы давно подстрелил. И Сергей, поняв мою задумку, погнался дальше к тебе», – радостно скалясь, сказал Бурят.

«Вот ты, стратег, а ты уверен, что их трое, а не больше? – поинтересовался Сергей, – хотел сам его взять, да далековато он от меня был, мог заметить».

– Трое их, у них ботинки немецкие, не наши, с рисунком другим.

Собрав со спин погибших немцев вещмешки, в которых были деньги, решили их вернуть вместе с машиной с продовольствием в 337-й полк, а также перенесли, уложив на поляне, 15 погибших солдат, собрав их документы, оружие и личные вещи. Немцы были одеты в форму красноармейцев, теплые штаны, офицерские полушубки и сверху белый маскхалат, но в немецких зимних, очень удобных высоких ботинках

Забрав их личные вещи и оружие, мы сидели и отдыхали, собираясь выяснить у пленного, кто они такие.

«Смотри, очнулся фриц», – заметил Ледков.

«Имя, подразделение и должность, цель заброски за линию фронта», – спросил я по-немецки.

«Я говорю по-русски, – ответил мне немец, – зовут меня Гюнтер фон Браун, я из прибалтийских немцев, обедневший барон, так сказать. В вермахте служу в третьем батальоне Ost-Hilfswillige или по-вашему «Хиви» – восточный добровольный помощник, то есть наемник, в чине обер-лейтенанта. Мы сейчас являемся вспомогательными частями, к фронту сопровождаем обозы, похоронные команды, мародерим, как все наемники, бывает, что участвуем в облавах на партизан. Сюда мы прибыли втроем на заработки, решили не заниматься обиранием трупов, а взять куш покрупней. Если бы не вы втроем, я так понимаю, что вы моих друзей положили, то мы взяли бы три вещмешка советских денег».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.